

Annotation

- [Роберт ГОВАРД](#)
    - [1. НОЖИ В ТЕМНОТЕ](#)
    - [2. ЧЕРНАЯ СТРАНА](#)
    - [3. ПРЯЧУЩИЕСЯ](#)
    - [4. ШЕПЧУЩИЕ МЕЧИ](#)
    - [5. МАСКА СОРВАНА](#)
    - [6. ОБИТАТЕЛЬ УЩЕЛИЙ](#)
    - [7. СМЕРТЬ ВО ДВОРЦЕ](#)
    - [8. ВОЛКИ В ЗАПАДНЕ](#)
    - [9. СУДЬБА ЯНАИДАРА](#)
-

Роберт ГОВАРД

Спрэг ДЕ КАМП

ОГНЕННЫЙ НОЖ (Кинжалы Джезма)

Конан мог исполнить, а мог и не исполнить свою угрозу сжечь джехунгирский город Хаварис, но в любом случае объединенные им казаки и пираты стали такой сильной угрозой, что король Ездигерд созвал все силы империи, чтобы разрушить их. Туранские войска вернулись с границ империи и одной мощной атакой разгромили казацкое войско. Некоторые из выживших поехали на восток, вдискую Гирканию, другие подались на запад, чтобы примкнуть в пустыне к зуагирцам. Конан с бандой внушительного размера отступил на юг и, пройдя через Иллбарские горы, поступил на службу к одному из сильнейших противников короля Ездигерда, Кобаду Шаху, королю Иранистана.

1. НОЖИ В ТЕМНОТЕ

Звуки шагов быстрых и невидимых ног в темном дверном проеме предупредили гиганта киммерийца. Он оглянулся и увидел высокую фигуру, бросившуюся на него из-под черной арки. В аллее было темно, но Конан смог разглядеть свирепое, бородатое лицо и блеск стали в поднятой руке, когда он увернулся от удара своим гибким телом. Нож порвал тунику и скользнул вдоль легкой кольчуги, которую тот носил под ней. До того, как убийца смог восстановить равновесие, киммериец поймал его руку и опустил свой массивный кулак вниз, на шею этому человеку, словно гигантский молот. Мужчина беззвучно свалился на землю.

Конан стоял над ним, прислушиваясь в напряженном ожидании. Вверх по улице, за следующим углом, он уловил шарканье обутых ног, приглушенное позвякивание стали. Эти зловещие звуки сказали ему, чтоочные улицы Аншана были смертельной ловушкой. Он колебался, обнажив на половину свою кривую саблю, затем пожал плечами и заторопился вниз по улице. Он держался подальше от темных арок, которые разинули рты в стенах вдоль улицы.

Он свернул на более широкую улицу и спустя несколько мгновений тихо постучался в дверь, над которой горел бронзовый фонарь. Дверь открылась почти мгновенно. Конан зашел внутрь, буркнув:

— Закрой дверь!

Массивный шемит, который впустил киммерийца, установил на место тяжелый засов, повернулся, показывая свою курчавую черную бороду и оценивающе посмотрел на своего командира.

— У тебя разорвана рубашка, Конан! — сказал он.

— Какой-то мужчина пытался убить меня ножом — ответил Конан. — Другие идут следом.

Глаза шемита загорелись, когда он положил широкую волосатую руку на трехфутовый иллбарский нож, который выглядывал из-за его бедра.

— Давай пойдем туда и перережем этих собак! — предложил он.

Конан покачал головой. Он был огромным мужчиной, намного выше шемита, но не смотря на свои размеры двигался с легкостью кошки. Его плотная грудь, упругая шея и квадратные плечи говорили о первобытной силе, скорости и выносливости.

— Сейчас нужно заниматься другими вещами — сказал он. — У Балаша есть враги, которые знают что сегодня вечером я поссорился с

королем.

— Ты поссорился! — вскрикнул шемит. — Это действительно дурная новость. Что говорил король?

Конан взял большую бутылку вина и наполовину осушил ее.

— О, Кобад Шах сошел с ума от подозрительности, — сказал он. — Сейчас к нашему другу Балашу. Его враги натравили короля против него; а Балаш упрямый. Он не захотел прийти сюда и сдаться, как приказал Кобад Шах, говоря, что Кобад собирается выставить его голову на шесте. Поэтому Кобад приказал мне с моими казаками пойти в Иллбарские горы и доставить оттуда Балаша, если можно — целиком, но его голову в любом случае.

— И?..

— Я отказался.

— Ты отказался? — сказал шемит благоговейным шепотом.

— Конечно! Кто я такой по-твоему? Я рассказал Кобаду Шаху, как Балаш и его люди спасли нас, когда мы заблудились в Иллбарских горах по пути на юг с Вилайетского моря. Более многочисленные горцы могли нас уничтожить. Но этот глупец не хотел ничего слушать. Он начал кричать о том, что его подозрения справедливы, про дерзость безродного варвара и в таком духе. Еще бы одно слово, и я натянул бы его императорский тюрбан ему на лицо.

— Ты не ударил короля? — спросил шемит.

— Нет, хотя мне очень этого хотелось. Кром! Я не могу понять, как вы, цивилизованные граждане, ползаете на брюхе перед любым склепанным из меди ослом с глупостями в голове, которому посчастливилось усесться на украшенный драгоценностями трон.

— Потому что по одному кивку этих ослов с нас могут содрать кожу или посадить на дыбу. Теперь нам нужно убираться из Иранистана, чтобы избежать королевской ярости.

Конан покончил с вином и облизал губы.

— Я думаю, нет; он воздержится от этого. Он знает, что сейчас его армия не такая, как в былые времена и что сейчас мы единственная легкая кавалерия, на которую он может рассчитывать. Но это не относится к нашему другу Балашу. Я рискну поехать на север, чтобы предупредить его.

— В одиночку, Конан?

— Почему бы и нет? Ты можешь говорить им, что я не могу прийти в себя после пьянки в течении нескольких дней, пока...

Легкий удар в дверь оборвал фразу Конана. Он быстро взглянул на шемита, шагнул к двери и спросил:

— Кто там?

— Это я, Нанайя, — ответил женский голос.

Конан посмотрел на своего собеседника.

— Ты знаешь какую-нибудь Нанайю, Тубал?

— Нет, это должно быть какая-то уловка.

— Позвольте мне войти, — сказал голос.

— Сейчас увидим, — пробормотал Конан. При свете лампы его глаза горели бурной синевой. Он поднял свою кривую саблю и положил руку на засов, в то время как Тубал с поднятым ножом занял свое место с другой стороны двери.

Конан хлопнул засовом и резко открыл дверь. Укутанная фигура шагнула через порог, затем издала легкий крик и бросилась назад, увидев мерцание занесенных лезвий в мускулистых руках.

Лезвие Конана выскочило так, что его кончик коснулся спины посетителя.

— Входите, моя госпожа, — произнес он по-иранистански с варварским акцентом.

Женщина шагнула вперед. Конан захлопнул дверь и установил на место засов.

— С тобой кто-нибудь есть?

— Н-нет, я пришла одна...

Левая рука Конана метнулась со скоростью змеи и сорвала вуаль с женского лица. Она была высокой, стройной, молодой и смуглой, с черными волосами и красиво сложенными чертами лица.

— Итак, Нанайя, что все это значит? — спросил он.

— Я девушка из королевского сераля...

Тубал издал протяжный свист.

— Теперь мы влезли и в это.

— Продолжай, Нанайя, — сказал Конан.

— Я часто видела тебя сквозь решетку трона, когда ты уединялся с Кобадом. Это было королевской забавой — позволять женщинам наблюдать за ним во время королевских дел. Предполагалось, что эту галерею закрывают во время обсуждения важных вопросов, но сегодня вечером евнух Ксатрита был пьян и забыл закрыть дверь между галереей и женскими комнатами. Я прокралась обратно и слышала твою тяжелую речь с королем.

— Когда ты ушел, Кобад был очень сердитым. Он вызвал информатора Хакамани и приказал ему убить тебя. Хакамани должен был сделать так, чтобы все выглядело, как несчастный случай.

— Если я поймаю Хакамани, я сделаю так, чтобы все выглядело как несчастный случай, — проскрежетал Конан. — Но к чему все эти тонкости? Кобад ничем не отличается от других королей, когда решает, укорачивать или удлинять шеи людей, которые ему не нравятся.

— Потому что король хочет удержать на службе твоих казаков, а если они узнают, что он убил тебя, они или поднимут восстание или уйдут.

— А почему ты решила мне все это рассказать?

Она посмотрела на него своими темными, переливающимися глазами.

— В гареме я изнываю от скуки. У короля сотни женщин и у него нет времени для меня. Я любовалась тобой из-за ширмы все время после того, как ты поступил сюда на службу и я надеюсь, что ты возьмешь меня с собой. Все что угодно лучше монотонного прозябания в этой позолоченной тюрьме с ее нескончаемыми сплетнями и интригами. Я — дочь Куджалы, руководителя Гвадири. Мы — народ рыбаков и мореплавателей, живем далеко на юге на Жемчужных островах. Я могу, управляя своей лодкой, пройти через тайфун, а такая праздность сводит меня с ума.

— Как ты выбралась из дворца?

— Веревка и неохраняемое старое окно со сломанной решеткой... Но это не важно. Ты возьмешь меня?

— Отправь ее обратно, — сказал Тубал на смешанном языке казаков: смесь запоросканского, гирканского и других языков. — Или еще лучше — перережь ей горло и зарой в саду. Он может позволить нам уйти, но он никогда не позволит нам увести от него девушку. Если он узнает, что ты уехал с одной из его наложниц, то он перевернет каждый камень в Иранистане, чтобы найти тебя.

Девушка явно ничего не понимала, но вздрогнула от угрожающего тона.

Конан по-волчьи осклабился.

— Наоборот. Мысль покинуть эту страну с поджатым между ногами хвостом вызывает у меня боли в животе. Но если я смогу взять с собой что-нибудь в качестве трофея — это уже неплохо, тем более что нам все равно нужно отсюда убираться, — он повернулся к Нанайе. — Ты понимаешь, что езда будет быстрой, дорога трудной, а компания не такой вежливой, как ты привыкла?

— Я понимаю.

— И кроме того, — сказал он прищурив глаза, — что мне принадлежит абсолютная власть?

— Да.

— Хорошо. Буди этих собак, Тубал; мы уезжаем, как только они

соберут свои пожитки и оседлают лошадей.

Недовольно бормоча, шемит вошел во внутреннюю комнату и стал трясти человека, спавшего на куче ковров.

— Просыпайся, воровской сын. Мы отправляемся на север.

Хаттусас, стройный, темный замориец, сел, зевая.

— Куда?

— В Кушаф, в Иллбарские горы, где мы зимовали, и где мятежная собака Балаш без сомнения перережет всем нам глотки, — прорычал Тубал.

Когда Хаттусас поднялся, он ухмыльнулся.

— Ты не любишь кушафца, но он поклялся Конану в дружбе.

Тубал нахмурился и пошел через внутренний дворик к двери, которая вела к примыкающему бараку. Из барака доносились ругательства и проклятия людей, которых только что разбудили.

Через два часа, неясные фигуры, сидевшие в засаде вокруг дома Конана, вернулись под укрытие теней, когда ворота конюшни распахнулись и три сотни Свободных Компаньонов прогрохотали, выезжая в два ряда, ведя с собой навьюченных мулов и запасных лошадей. Это были люди всех наций, остатки банды казаков, которых Конан привел на юг из степей Вилайетского моря после того, как турецкий король Ездигерд собрал могучую армию и разбил объединение разбойников в битве, которая длилась целый день. Они прибыли в Аншан оборванные и полуголодные. Сейчас они были одеты в пестрые шелковые штаны и в остроконечные шлемы иранистанского образца и обвешаны оружием.

Тем временем иранистанский король восседал на своем троне. Подозрения грызли его обеспокоенную душу, так как он видел врагов везде, внутри и снаружи. Некоторое время он рассчитывал на поддержку Конана, руководителя наемного эскадрона легкой кавалерии. Северному дикарю не хватало учтивых манер, принятых при иранистанском дворе, но у него был свой, варварский кодекс чести. Однако теперь он решительно отказался выполнять приказ Кобада Шаха схватить предателя Балаша...

Король мельком взглянул на занавеску, скрывающую альков, автоматически отметил, что наверное поднялся ветер, так как декоративная ткань немного колебалась. Он повернул свой взгляд на окно с золотой решеткой и похолодел. Там легкая занавеска висела неподвижно. А висящая над альковом шевелилась...

Хотя он был низким и толстым, Кобад Шах не потерял личного мужества. Когда он подпрыгнул, схватил декоративную ткань и сорвал ее,

Кинжал в темной руке вылетел оттуда и ударил его в грудь. Падая, он вскрикнул и потянул с собой своего противника. Человек рычал, словно дикое животное, его расширившиеся глаза безумно сверкали. Его кинжал распорол одежду короля и обнажил кольчугу, которая остановила первый удар.

Снаружи гулким эхом отдавались выкрики, вызванные пронзительным криком короля о помощи. Звуки обутых ног неслись по коридору. Король схватил атаковавшего его человека за горло и за руку с ножом, но мышцы этого мужчины были словно переплетенные стальные шнуры. Когда они покатились по полу, кинжал, вырвавшись из звенев кольчуги, ранил его в плечо, бедро и руку. Затем, когда храбрец подмял ослабевшего правителя, схватил его за горло и поднял нож снова, в свете лампы что-то вспыхнуло, словно струя голубого света. Убийца рухнул, его голова раскололась до самых зубов.

— Ваше величество! Сир! — Это был Готарза, главный капитан королевской охраны, побледневший под своей длинной черной бородой. Когда Кобад Шах сел на диван, Готарза начал отрывать куски от занавески, чтобы перебинтовать его раны.

— Посмотри! — задыхаясь сказал король, указывая глазами. Его лицо было мертвенно-бледным; руки тряслись. — Нож! Ради Асуры, нож!

Он лежал, поблескивая, в руке мертвеца — удивительное оружие с волнистым лезвием в форме пламени. Готарза вздрогнул и выругался про себя.

— Огненный нож! — выдохнул Кобад Шах. — То же самое оружие, что погубило короля Вендии и короля Турана!

— Знак Прячущихся, — пробормотал Готарза, беспокойно глядя на угрожающий символ ужасного культа.

Во дворце поднялся шум. Люди спускались по коридору и кричали, пытаясь выяснить, что произошло.

— Закрой дверь! — воскликнул король. — Не впускай сюда никого, кроме дворецкого!

— Но вам может понадобиться доктор, ваше величество, — возразил офицер. — Эти раны не смертельны сами по себе, но кинжал мог быть отравлен.

— Нет, не зови никого! Любой из них может оказаться на службе моих врагов. Асура! Езмиты решили меня погубить! — Все произошедшее поколебало мужество короля. — Кто может воевать против кинжала в темноте, змей под ногами, яда в винном кубке? Есть этот западный варвар, Конан... Но нет, после того, как он отказался выполнить мою команду,

даже на него нельзя положиться. Впусти дворецкого внутрь, Готарза.

Когда офицер впустил крепкого служащего, король спросил:

— Какие новости, Бардия?

— О, сир, что произошло? Это...

— Не думай о том, что произошло со мной. Я вижу по твоим глазам, что у тебя есть новости. Что тебе известно?

— Казаки с Конаном уехали из города. Он сказал охране Северных Ворот, что они едут по твоему приказу за Балашем.

— Хорошо. Возможно этот парень раскаялся в своей дерзости. Что еще?

— Информатор Хакамани перехватил Конана на пути домой, но тот убил одного из его людей и скрылся.

— Это хорошо. Отзови Хакамани, пока мы не узнаем чем собирается заняться Конан в своем походе. Что-нибудь еще?

— Одна из твоих женщин, Наная, дочь Куджалы, сбежала из дворца. Мы нашли веревку, по которой она спустилась.

Кобад Шах взревел.

— Она наверняка ушла с Конаном! Слишком много всего для простого совпадения. И он должно быть объединился с Прячущимися! Иначе зачем ему пытаться погубить меня сразу после того, как я поссорился с ним. Он сразу после беседы со мной послал этого езмита, чтобы убить меня. Готарза, поднимай королевскую гвардию. Скачи за козаками и принеси мне голову Конана или расплатишься своей собственной! Возьми по крайней мере пятьсот человек, так как этот варвар хитрый, свирепый и не любит, чтобы с ним щутили.

Когда Готарза поспешил вышел из комнаты, король простонал:

— Теперь Бардия, позови этого кровососа. В моих венах горит огонь. Готарза был прав; кинжал должно быть отравлен.

Через три дня после поспешного исчезновения из Аншана Конан сидел скрестив ноги у тропы, которая петляла по скалистому гребню и заканчивалась крутым спуском к кушафской деревушке.

— Я заслонил тебя от смерти, — сказал он человеку, сидевшему напротив него, — как сделал и ты, когда твои горные волки собирались перерезать нас.

Человек задумчиво подергал себя за бороду. Он был широкий и сильный, с пробивающейся сединой на волосах. Широкий пояс ощетинился рукоятками ножа и кинжала. Это был Балаш, руководитель кушафских племен и владыка Кушафа и соседних деревень. Он ответил

спокойно:

— Боги благоприятствуют тебе! Как иначе человек может преодолеть место, где он должен был бы умереть.

— Человек может или драться или убегать, а не сидеть на скале, как яблоко на дереве, ожидая пока его собьют. Если ты хочешь восстановить мир с королем, тебе нужно отправляться в Аншан...

— У меня слишком много врагов при дворе. В Аншане король прислушавшись к их лжи подвесит меня в железной клетке на съедение грифам. Нет, я не пойду.

— Тогда возьми своих людей и переберись жить в другие места. В этих горах есть много мест, где даже король не сможет тебя достать.

Балаш глянул вниз со скалистого спуска на группу грязно-каменных башен, поднимавшихся над стеной, окружавшей город. Его тонкие ноздри расширились, а в глазах зажегся темный огонь, как у орла, осматривающего свое гнездо.

— Нет, ради Асуры! Мой клан правит Кушафом со времен Бахрама. Пусть король правит В Аншане, а этот город мой.

— Король будет править и Кушафом, — проворчал Тубал, сидевший на корточках за Конаном с заморийцем Хаттусасом.

Балаш посмотрел в другую сторону, туда, где тропа исчезала на востоке между торчащих скал. На этих скалах разевались на ветру полоски белой одежды лучников и метателей дротиков, которые охраняли проход днем и ночью.

— Пусть приходит, — сказал Балаш. — Мы удерживаем все проходы.

— Он приведет десять тысяч человек, тяжело вооруженных, с катапультами и другими осадными механизмами, — сказал Конан. — Он сожжет Кушаф и принесет твою голову в Аншан.

— Чему быть, тому не миновать, — сказал Балаш.

Конан подавил поднимающуюся злость на фатализм этого народа. Каждый инстинкт его деятельной натуры возражал против этой инертной философии. Но они по-видимому зашли в тупик в своем разговоре и он ничего не сказал, а уселся, наблюдая за западными скалами, где висело солнце, огненный шар в остром, ветреном небе.

Балаш, махнув рукой, изменил тему разговора.

— Конан, здесь есть нечто, что я хочу тебе показать. Внизу, в той разрушенной хижине за стеной лежит мертвый человек, каких мы никогда не видели в Кушафе. Даже мертвый, он странный и зловещий. Я думаю, что он совсем не настоящий человек, а демон. Идем.

Он повел их по крутому спуску вниз к лачуге, объясняя по пути:

— Мои воины наткнулись на него, лежащего у подножия утеса, словно он упал или был сброшен с вершины. Я приказал им перенести его сюда, но он умер по дороге, бормоча что-то на чужом языке. Они думали, что это был демон, и у них есть на то основания.

— Много дней пути отсюда на юг, посреди гор таких диких и бесплодных, что даже козлы не могут там обитать, лежит страна, которую мы называем Друджистан.

— Друджистан, — повторил Конан. — Страна демонов, не так ли?

— Да. Злое место черных скал и диких ущелий, избегаемое умными людьми. Оно кажется необитаемым, но кто-то там живет — люди или дьяволы. Иногда убивают мужчин, похищают женщин и детей на одиноких тропах, и мы знаем, что это их работа. Мы пытались преследовать призрачные фигуры, двигающиеся в ночи, но каждый раз след обрывался у скалы, сквозь которую может пройти только демон. Иногда мы слышали барабанный бой, разносящийся эхом между гор, или крики дьяволов. Эти звуки ледят человеческое сердце. Старые легенды говорят, что между этих гор тысячи лет тому назад король вампиров Ура построил волшебный город Янаидар и что мертвые призраки Уры и его мерзких подданных до сих пор обитают в этих руинах. В другой легенде говорится, как тысячу лет тому назад глава иллбарских горцев обосновался в этих руинах и начал восстанавливать их, чтобы сделать этот город своим опорным пунктом; но в одну ночь он и его последователи исчезли, и никто их больше никогда не видел.

Они достигли разрушенной хижины и Балаш открыл покосившуюся дверь. Спустя мгновение пятеро мужчин склонились над фигурой, развалившейся на грязном полу.

Это была фигура чужестранная и нелепая: приземистый мужчина с широкими, квадратными, плоскими чертами лица, цвета темной меди, и с узкими косыми глазами — без сомнения сын Кхитая. Черные волосы в засохшей крови на затылке и неестественная поза его тела говорили о том, что он переломал себе все кости.

— Разве он не выглядит как дух дьявола? — спросил Балаш.

— Был ли он магом при жизни или нет, но он никакой не демон, — ответил Конан. — Он кхитаец, из страны далеко на восток от Гиркании, за горами, пустынями и джунглями, такой огромной, что в ней может потеряться дюжина Иранистанов. Я проезжал через эти земли, когда служил солдатом у турецкого короля. Но что это парень делает здесь, я не могу сказать...

Неожиданно его голубые глаза загорелись и он сорвал заляпанную

кровью тунику с короткого и толстого горла. Взору представилась заляпанная шерстяная рубашка, и Тубал, заглянув через плечо Конана, резко вскрикнул. На рубашке, нитками темно-красного цвета, которые при беглом взгляде можно было спутать с кровавым пятном, была вышита удивительная эмблема: человеческий кулак, обхватывающий рукоятку, из которой выходил нож с волнистым лезвием.

— Огненный нож! — прошептал Балащ, отшатнувшись от этого символа смерти и разрушения.

Все смотрели на Конана, который разглядывал зловещую эмблему, пытаясь уловить смутные ассоциации, которые он вызывала — тусклые воспоминания о древнем, мрачном культе, который использовал этот символ. Наконец он сказал Хаттусасу:

— Когда я был разбойником в Заморе, я слышал слухи о культе, люди которого называли себя езмитами, которые использовали этот символ. Ты замориец; что ты знаешь об этом?

Хаттусас пожал плечами.

— Есть много культов, уходящих корнями к началу времен, к дням до Катализма. Управители часто думали, что они навсегда покончили с ними, но те опять возвращались к жизни. К ним принадлежат и Прячущиеся, или Дети Езма, но больше я ничего не могу тебе сказать. Я никогда не интересовался подобными вещами.

Конан спросил Балаша:

— Ты можешь провести меня туда, где вы нашли этого человека?

— Да. Но это дурное место, в ущелье Призраков, у границ Друджистана, и...

— Хорошо. Тогда всем ложиться спать. Мы отправляемся на рассвете.

— В Аншан? — спросил Балаш.

— Нет. В Друджистан.

— Так ты думаешь?..

— Я ничего не думаю... пока.

— Эскадрон поедет с нами? — спросил Тубал. — Лошади плохо выглядят.

— Нет. Пусть люди и лошади отдыхают. Со мной пойдут ты и Хаттусас вместе с одним из кушафцев Балаша в качестве проводника. Кодрус будет командовать в мое отсутствие, и если будут какие-нибудь проблемы из-за того, что мои псы начнут приставать к кушафским женщинам, скажи ему, чтобы он расколотил их головы.

2. ЧЕРНАЯ СТРАНА

Сумерки покрыли изрезанный горизонт, когда проводник Конана остановился. Впереди пересеченная местность была разрезана глубоким каньоном. За каньоном поднимался неприступной стеной массив черных скал и хмурых утесов, дикий, колдовской хаос разбитого, черного камня.

— Здесь начинается Друджистан, — сказал кушафец. — За этим ущельем, ущельем Призраков, начинается страна ужаса и смерти. Дальше я не пойду.

Конан кивнул, его глаза рассматривали тропу, которая петляла вниз по неровному склону в каньон. Это был слабый остаток от древней дороги, по которой они двигались много миль, но выглядел он так, будто в последнее время им часто пользовались.

Конан осмотрелся по сторонам. С ним были Тубал, Хаттусас, проводник — и Нанайя. Она настояла на своей поездке, потому что, по ее словам, она боялась расстаться с Конаном и остаться между этих диких чужестранцев, речь которых она не понимала. Она доказала, что может быть хорошим попутчиком, выносливым и безропотным, несмотря на изменчивый и вспыльчивый нрав.

Кушафец сказал:

— Как вы видите, тропа хорошо протоптана. Демоны этих черных гор по ней приходят и уходят. Но люди, которые идут по ней, не возвращаются.

Тубал усмехнулся.

— Зачем демонам нужна тропа? Они ведь летают на крыльях, как летучие мыши!

— Когда они принимают форму людей, они ходят как люди, — ответил кушафец. Он указал на выступающий край, который огибал тропа. — У подножия этого склона мы нашли человека, которого вы называете кхитайцем. Без сомнения, его братья демоны поссорились с ним и сбросили его вниз.

— Без сомнения, он споткнулся и упал, — проворчал Конан. — Кхитайцы живут в пустыне и не привыкли карабкаться по горам, их ноги кривые и слабые от постоянной жизни в седле. Такой легко мог споткнуться на узкой тропе.

— Возможно, если он был человеком, — сказал кушафец. — Но... Асурा!

Все, кроме Конана подпрыгнули, а кушафец схватил свой лук, дико

осматриваясь по сторонам. Над скалами с юга пронесся непередаваемый звук — резкий, неприятный крик, который раздался где-то в горах.

— Голос демонов! — крикнул кушафец, так натягивая свои поводья, что его лошадь заржала и встала на дыбы. — Во имя Асурьи, давайте уйдем! Оставаться здесь — это безумство!

— Возвращайся назад в свою деревню, если ты боишься, — сказал Конан.

— Я иду туда.

На самом деле, этот неестественный звук вызвал и у него покалывание в затылке, но он не хотел этого показывать перед своими спутниками.

— Без своих людей? Это безумство! По крайней мере, пошли кого-нибудь за своими воинами.

Глаза Конана сощурились, как у охотящегося волка.

— Не в этот раз. Для осмотра и разведки — чем меньше, тем лучше. Я думаю, нужно осмотреть эту землю демонов; я могу использовать эту горную крепость. — Он обратился к Нанайе: — А тебе, девочка, лучше вернуться.

Она начала плакать.

— Не отправляй меня назад, Конан. Эти дикие горцы похитят меня.

Он осмотрел ее высокую, мускулистую фигуру.

— Тот, кто попробует это сделать, будет иметь непростую задачу. Ладно, тогда идем. И не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Проводник завертелся на своей лошади и пнув ее ногой, поскакал назад, выкрикивая:

— Балаш будет оплакивать вас! В Кушафе будет траур! Эй! Эгей!

Его причитания заглохли в стуке копыт по камню, когда кушафец хлестнул свою лошадь и исчез за ближайшим подъемом.

— Беги, сын безносой матери! — закричал Тубал. — Мы заклеймим твоих дьяволов и притащим их в Кушаф за хвосты! — но он мгновенно замолчал, так как увидел что тот его не слышит.

Конан сказал Хаттусасу:

— Ты когданибудь раньше слышал такой звук?

Стройный замориец кивнул.

— Да, в горах почитателей дьяволов.

Конан без комментариев поднял свои поводья. Он тоже слышал звук десятифутовых бронзовых труб, проносившийся по бесплодным горам неприступной Патении, в руках бритоголовых жрецов Эрлика.

Тубал фыркнул, как носорог. Он не слышал этих труб, и он пришпорил свою лошадь, чтобы обогнать Хаттусаса и оказаться за Конаном, когда они

спускались по крутому спуску в багряных сумерках. Он грубо сказал:

— Теперь, когда кушафская собака завлекла нас в эту страну дьяволов, а сама скрылась и перережет твою глотку, когда ты будешь спать, какие у тебя планы?

Это выглядело, будто старая охотничья собака рычала, когда ее хозяин приласкал другую собаку. Конан склонил голову и фыркнул, чтобы спрятать ухмылку.

— Сегодня ночью мы разобьем лагерь в этом каньоне. Лошади слишком устали, чтобы пробираться по этим ущельям в темноте. Завтра мы все исследуем.

— Я думаю, что у Прячущихся есть стоянка в той стране за ущельем. Возвышенности поблизости редко заселены. Кушаф, ближайшее селение, находится на расстоянии трудного дневного перехода. Бродячие кланы не заходят в эти земли из-за страха перед кушафцами, а люди Балаша слишком суеверны, чтобы исследовать, что находится за ущельем. Прячущиеся могут приходить и уходить оттуда, не будучи замеченными. Я только не знаю, что мы будем делать; наша судьба в руках богов.

Когда они спустились в каньон, то увидели, что тропа ведет через усыпанную камнями поверхность к устью глубокого, узкого ущелья, которое выходило в каньон с юга. Южная стена каньона была выше, чем северная и более отвесная. Она нависала угремым валом твердой, черной скалы, разрушенной местами узкими входами в ущелье. Конан проехал в ущелье, в котором изгибалась тропа, и проследовал до первого поворота. Он обнаружил, что этот поворот был одним из целой последовательности изгибов. Овраг, бегущий между нависающими стенами скалы, извивался и крутился, словно след змеи, и был уже окутан темнотой.

— Это наша дорога на завтра, — сказал Конан. Его люди молча кивнули, когда он вывел их обратно к главному каньону, где еще остался легкий свет. Клацанье копыт их лошадей по твердой породе казалось громким в мрачной тишине.

За несколько десятков шагов от оврага на запад в каньоне открывалось другое ущелье. На его каменистом полу не было никаких следов, и оно суживалось так быстро, что Конан подумал, что оно заканчивается тупиком.

На полпути до входов в эти ущелья, ближе к северной стене журчал крошечный ручеек в естественном бассейне, выдолбленном временем в скале. За ним в пещерообразной нише в утесе кое-где росла сухая, жесткая трава. Они разбили лагерь у ручья и поели сухого мяса, не рискнув

разводить огонь, который мог быть замечен враждебными глазами.

Конан разделил людей на две смены. Тубала он поставил охранять в западной части лагеря, ближе к входу в сужавшееся ущелье, в то время как Хаттусас занял свое место ближе к входу в восточное ущелье. Любая вражеская группа, спускающаяся в каньон сверху, или входящая в него из любого из ущелий, должна была пройти мимо этих бдительных часовых.

Темнота быстро окутала каньон, казалось она текла волнами вниз по черным спускам и вытекала из входов в ущелья. Мигали звезды, холодные, белые и безликие. Над незваными гостями нависала сумрачная масса разрушенных гор. Конан, безучастно размышляя о мрачном спектакле, свидетелем которого они стали, постепенно заснул.

Острое как бритва чутье варвара не притупилось за годы контакта с цивилизацией. Когда Тубал приблизился к нему, чтобы положить руку на его плечо, Конан проснулся и вскочил с мечом в руке до того как шемиту удалось коснуться его.

— Что такое? — пробормотал Конан.

Тубал сел перед ним на корточки. Его гигантские плечи тускло нависали в темноте. За ним, в тени утеса безостановочно двигались невидимые лошади. Конан понял, что в воздухе витает опасность еще до того, как Тубал сказал:

— Хаттусас убит, девушка исчезла! Смерть ползает вокруг нас в темноте!

— Что?

— Хаттусас лежит лежит у входа в пещеру с перерезанным горлом. Я услышал звук катящейся гальки у входа в восточное ущелье и прокрался туда не поднимая тебя, и вот, там лежит залитый кровью Хаттусас. Он умер молча и неожиданно. Я никого не видел и не слышал ни единого звука в ущелье. Затем я поспешил к тебе и обнаружил, что Нанайя исчезла. Горные дьяволы убили одного и похитили другую без единого звука. Ячуствую, что Смерть все еще прячется здесь. Это действительно ущелье Призраков!

Конан молча опустился на колени вглядываясь в темноту и прислушиваясь. То, что очень чуткий замориец был убит, а Нанайя похищена без единого звука сопротивления, попахивало вмешательством дьяволов.

— Кто может бороться с дьяволами, Конан. Давай поедем...

— Послушай!

Где-то босые ноги ступали по каменистой земле. Конан поднялся, всматриваясь в темноту. Тени оторвались от черной земли и двинулись

вперед. Конан занес кинжал в левой руке. Тубал вскочил перед ним, обнажив свой иллбарский нож, молча и неумолимо, как волк в западне.

Смутно различимая линия двигалась медленно, увеличиваясь по мере приближения. Конан и шемит отступили несколько шагов назад, чтобы за их спинами была стена и их не смогли бы окружить.

Атака началась неожиданно, босые ступни мягко зашлепали по каменной земле, сталь поблескивала при смутном свете звезд. Конан не мог различить в деталях нападавших на него врагов — только их масса да мерцание стали. Он бил и отражал удары инстинктивно, и чутье помогало ему также, как и зрение.

Он убил первого человека, дотянувшись до него мечом. Тубал, увидев, что их враги — простые смертные, издал глубокий вопль и взорвался в порыве берсеркерской свирепости. Непрестанное движение его тяжелого трехфутового ножа было опустошительным. Локоть к локтю и спиной к стене, два товарища были в безопасности от атаки с тыла или фланга.

Сталь остро звенела о сталь и летали голубые искры. Стоял неприятный звук, как в мясной лавке, когда лезвия разрезали плоть и кости. Люди вскрикивали или издавали смертельные звуки из суровых глоток. Спустя несколько мгновений у стены образовался спутанный клубок иззывающих и дерущихся людей. Движения были слишком быстрыми, слепыми и отчаянными, чтобы мысль могла уследить за ними. Но преимущество было у защищавшихся. Они видели столько же, сколько и нападавшие; они были сильнее; и они знали, что куда бы они не били, везде сталь достигнет только их противников. У нападавших был численный перевес. Но понимание того, что слепыми ударами они могут ранить друг друга, удерживало их пыл.

Конан увернулся от меча до того как осознал, что тот несется к нему. Его ответный удар наткнулся на кольчугу. Вместо того, чтобы пробивать ее, он резанул по незащищенному бедру и его противник упал. Когда он занялся следующим, упавший пролез вперед и ударили кинжалом Конана, но кольчуга киммерийца остановила удар, а его кинжал нашел горло нападавшего. Брызнула кровь, и тот упал мертвым.

Затем натиск ослаб. Атакующие растаяли, словно фантомы в темноте, которая стала менее непроглядной. Восточный край каньона был очерчен слабым серебряным огнем поднимавшейся луны.

Тубал высунул язык, словно волк, и помчался за отступающими фигурами. Кровавая пена заляпала его бороду. Он споткнулся о чье-то тело и свирепо встал над ним, до того как понял, что это был мертвец. Затем Конан схватил его за руку. Тот чуть не сбил могучего киммерийца с ног,

когда прыгал и храл, как заарканенный бык.

— Подожди, глупец! — прорычал Конан. — Ты что, хочешь бежать в ловушку?

Тубал затих, к нему вернулась волчья осмотрительность. Вместе они бесшумно скользили за смутными фигурами, которые исчезли в пасти восточного ущелья. Здесь преследователи остановились, осторожно вглядываясь в черную глубину. Где-то далеко внизу, удаляясь доносился звук гальки, бьющейся о камень. Конан напрягся, как недоверчивая пантера.

— Собаки все-таки удрали, — проворчал Тубал. — Мы пойдем за ними?

Конан покачал головой. Нанайя была в плену, и он не мог позволить себе рисковать своей жизнью и бездумно броситься в черноту колодца, где на каждом шагу могла быть смертельная засада. Они вернулись назад в лагерь, сильно напугав лошадей, которые прямо взбесились от запаха свежей крови.

— Когда луна поднимется достаточно высоко, чтобы осветить каньон, — сказал Тубал, — они подстрелят нас стрелами из ущелья.

— Придется рискнуть, — ответил Конан. — Может быть, они плохие стрелки.

Они сели на корточки в тени утеса в тишине, когда лунный свет, неестественный и призрачный, залил каньон, и валуны, уступы и стены приобрели четкие очертания. Ни один звук не потревожил нависшего спокойствия. Затем, в появившемся свете, Конан исследовал четыре трупа, оставшихся после атаки. Всмогревшись в одно за другим бородатые лица, Тубал воскликнул:

— Служители дьявола! Сабатинцы!

— Ничего удивительного, что они смогли подкрасться, словно кошки, — пробормотал Конан. В Шеме он изучил непостижимую скрытность этого древнего и отвратительного культа, который поклонялся Золотому Павлину под мрачными куполами проклятой Сабатии. — Что они здесь делают? Их родина — Шем. Давай-ка посмотрим... Ха!

Конан открыл одежду одного из мужчин. Там, на льняной куртке, которая покрывала плотную грудь сабатинца, стала видна эмблема с рукой, держащей кинжал в форме пламени. Тубал сорвал туники с остальных трех тел. На каждом был кулак и кинжал. Он сказал:

— Что это за культ эти Прячущиеся, что они объединили людей из Шема и Кхитая, расположенных на тысячи миль друг от друга?

— Это как раз то, что я собирался выяснить, — ответил Конан. Они снова уселись в тени утеса в молчании. Затем Тубал поднялся и сказал:

— Что теперь?

Конан указал на темные пятна на каменистой земле, которые в лунном свете стали лучше видны.

— Мы можем идти по этому следу.

Тубал вытер и вложил в ножны свой нож, пока Конан обматывал вокруг своего запястья кольца тонкой прочной веревки с трехзубым железным наконечником на конце. Такая веревка бывала очень полезной в те дни, когда он занимался разбоем. Луна поднялась выше, проложив серебряную дорожку до середины ущелья.

В лунном свете они приблизились к входу в ущелье. Не зазвенела ни одна тетива; ни один дротик не пронесся сквозь ночной воздух; ни одна скрытная фигура не промелькнула между теней. Кровавые капли испещрили каменистый пол; сабатинцы несли тяжело раненого с собой.

Он вошли в ущелье пешими, так как Конан считал, что их враги тоже были пешими. Кроме того, ущелье было таким узким и извилистым, что верхом на лошади было бы неудобней сражаться.

На каждом повороте они были готовы наткнуться на засаду, но кровавые капли вели их вперед и ни одна фигура не преграждала им пути. Пятна крови были уже не такими большими, но по ним еще можно было определить направление пути.

Конан ускорил свои шаги, надеясь перехватить сабатинцев. Хотя они и отправились намного позже, раненый и пленица должны были замедлить тех. Он думал, что Нанайя все еще жива, иначе они наткнулись бы на ее тело.

Ущелье пошло вверх, сузилось, затем расширилось, опустилось, повернуло и вывело в другой каньон, идущий на восток и на запад. Кровавый след вел прямо к отвесной южной стене и исчезал.

Тубал хмыкнул.

— Кушафские собаки сказали правду. След обрывается у утеса, через который только птицы перелететь.

Конан озадаченно остановился. Они сошли с древней дороги в ущелье Призраков, но без сомнения, это был путь, которым шли сабатинцы. Он пробежался взглядом вверх по стене, которая поднималась прямо вверх на сотни футов. Над ним, на высоте пятидесяти футов выглядывал узкий выступ, имевший не более, чем несколько футов в ширину и четыре или пять шагов в длину. Он казалось не предлагал никакого решения, но на полпути к выступу он увидел смутное пятно на каменной стене.

Размотав свою веревку, Конан раскрутил тяжелый конец и бросил его высоко вверх. Крюк ударился об край утеса и зацепился. Конан полез вверх, цепляясь за редкие, гладкие выступы так же быстро, как большинство людей поднималось бы по лестнице. Когда он добрался до пятна на стене, он убедился, что это была высохшая кровь, которую мог бы оставить раненый, карабкающийся сам или поднимаемый друзьями вверх на выступ.

Тубал внизу ерзal и пытался выбрать место, с которого было бы хорошо видно уступ, так как он боялся, что там могут быть невидимые снизу убийцы. Но площадка была пустой, когда Конан выбрался на нее.

Первое, что он увидел, было тяжелое бронзовое кольцо, вделанное в камень и невидимое снизу. Металл был отполирован от частого использования. Края уступа были запачканы кровью. Капли вели к через площадку к отвесной стене. С этого места было видно, что она сильно выветрена. Конан увидел кое-что еще: грязный отпечаток кровавых пальцев на каменной стене. Он изучил трещины в скале, затем положил свою руку поверх отпечатка окровавленной руки и надавил. Часть стены плавно отошла внутрь. Он всмотрелся в дверь узкого туннеля, слабо освещенного луной где-то в дальнем конце.

Осторожно, как кладущийся леопард, он шагнул внутрь. Сразу же он услышал резкий вопль Тубала, которому показалось, что он растворился в твердой скале. Конан высунул голову и плечи, чтобы дать знак своему сообщнику замолчать, а затем продолжил свое исследование.

Туннель был короткий; лунный свет проникал в него с другого конца, где в нем была трещина. Трещина шла прямо на сотню футов и делала кругой поворот, словно ножевой разрез прошел сквозь твердую скалу. Дверь, в которую он вошел, была каменной плитой неправильной формы, висевшей на тяжелых, смазанных бронзовыми петлях. Она идеально подходила к отверстию, ее неправильная форма придавала появлявшимся у входа трещинам утеса более, чем натуральный вид.

Веревочная лестница из тяжелой сырой кожи лежала сразу у входа в туннель. Конан вернулся с ней наружу, на площадку, зацепил за бронзовое кольцо и бросил вниз. Пока Тубал взбирался по ней, сгорая от нетерпения, Конан вытянул свою веревку и опять обмотал ее вокруг запястья.

Тубал издал непонятные шемитские ругательства, когда понял секрет исчезающего следа. Он спросил:

— Но почему они не заперли дверь изнутри на засов?

— Возможно, люди приходят и уходят здесь постоянно, и кому-нибудь

может понадобиться очень быстро проникнуть внутрь не издавая криков с просьбой открыть дверь. Мало вероятно, что она будет обнаружена; я бы не нашел ее, если бы не кровавые отпечатки.

Тубал собирался мгновенно нырнуть в трещину, но Конан был осторожней. Он не видел никаких следов часовых, но не думал, что люди, так искусно замаскировавшие вход в свою страну, оставляют его неохраняемым.

Он вытянул лестницу, сложил ее обратно на место и закрыл дверь, нырнув в темноту этого конца туннеля. Приказав Тубалу ждать его здесь, он пошел вниз по туннелю к трещине. У подножия трещины в сотнях футов над головой было видно кромку звездного неба неправильной формы. Лунного света, который проникал сквозь трещину, было достаточно для кошачьих глаз Конана.

Едва он достиг поворота, как за ним послышался шорох шагов. Едва он скрылся за куском скалы, отколовшимся от стены, как вошел часовой. Он неторопливо прохаживался, небрежно относясь к своей задаче, уверенный в своей безопасности. Это был приземистый кхитаец с лицом похожим на медную маску. Он шел широко и вразвалку, как человек привыкший к седлу, волоча за собой копье.

Когда он поровнялся с укрытием Конана, какой-то инстинкт заставил его обернуться, сверкнув зубами в испуганном крике и поднимая копье для броска или удара. До того, как он успел повернуться, Конан был уже над ним, мгновенно напрягши свои стальные мышцы. Когда копье отскочило на пол, кривая сабля опустилась вниз. Кхитаец рухнул, словно поверженный бык. Его круглый череп раскололся, как спелая дыня.

Конан неподвижно замер, глядываясь вдоль прохода. Не услышав ни одного звука, говорившего о присутствии других часовых, он рискнул тихонько свистнуть Тубалу, чтобы тот шел к трещине. Шемит ухмыльнулся при виде мертвого человека.

Конан склонился и оттопырил верхнюю губу кхитайца, обнажив клык с подпиленным концом.

— Еще один сын Эрлика, Желтого Бога Смерти. Трудно сказать, сколько их окажется в этом ущелье. Давай затащим его за эти скалы.

За поворотом, в длинном глубоком проходе до следующей петли было пусто. Когда они и дальше не встретили никакого сопротивления, Конан убедился, что кхитаец был единственным часовым у трещины.

Лунный свет в узком просвете над ними перешел в предрассветные сумерки, когда они выбрались наконец на открытое место. Здесь проход переходил в хаос разбитых скал. Единственное ущелье разделилось на

полдюжины, петлявшими между отдельными скалами и разбитыми валунами, словно река разделялась на несколько потоков в дельте. Разрушающиеся вершины и башни из черного камня стояли словно мрачные призраки в бледном предрассветном свете.

Петляя между этих угрюмых часовых, искатели приключений смотрели на ровный, усыпанный камнями пол, растянувшийся на триста шагов до подножия утеса. След, по которому они шли, состоял из отпечатков многих ног в выветрившемся камне, пересекал поверхность и петлял извилистым путем вверх к вершине утеса. Но что было там наверху, они не знали. Справа и слева извивались твердые стены, нависая с боков разбитыми вершинами.

— Что теперь, Конан? — в сером свете шемит походил на горного гоблина, удивленного что свет проник в его пещеру.

— Я думаю, нам нужно быть ближе друг к другу... Послушай!

Над утесами прокатился отраженный эхом звук труб, который они слышали предыдущей ночью, но сейчас намного ближе: резкий крик гигантской трубы.

— Нас не заметили? — обеспокоился Тубал, сжимая свой нож.

Конан пожал плечами.

— Видно нас или нет, но нам нужно сами осмотреть что там на утесе, перед тем как карабкаться на него.

Он указал на выветривающуюся скалу, которая возвышалась словно башня между более низкими собратьями. Друзья быстро взобрались на нее так, чтобы ее масса была между ними и противоположными утесами. Она была выше, чем утесы. Затем они легли за острыми шпилами скалы, наблюдая сквозь розовый туман набиравшего силу рассвета.

— Птеор! — выругался Тубал.

С этой точки была видна настоящая природа противоположных утесов. Они представляли собой сторону гигантского горного блока, который поднимался отвесно над окружающим его уровнем на четыреста или пятьсот футов. Его вертикальные бока казались неприступными, если не считать тропы, проложенной в камне. С востока, севера и запада он был опоясан разрушившимися утесами, отделенными от плато ровной поверхностью каньона, ширина которого менялась от трехсот шагов до полукилометра. На юге плато примыкало к гигантской голой горе, чьи мрачные пики возвышались над окружающими вершинами.

Но наблюдатели обращали мало внимания на эти топографические особенности. Конан ожидал что-нибудь обнаружить в конце кровавого следа: группу навесов для лошадей, пещеру, может даже грязную

деревушку, приютившуюся на склоне холма. Вместо этого они увидели город, сверкающий куполами и башнями в розовом рассвете, словно волшебный город магов, взятый из какой-то сказочной земли и перенесенный в это дикое место.

— Город демонов! — крикнул Тубал. — Это колдовство и магия! — Он щелкнул пальцами, чтобы защитить себя от злых заклятий.

Плато было овальным, около полутора мили в длину с севера на юг и чуть меньше мили с востока на запад. Город был расположен ближе к южному краю, словно выгравированный из темной горы, стоявшей за ним. Большое сооружение, чей багряный купол переливался золотом, блестело в рассветном свете. Оно возвышалось над каменными домами с плоскими крышами и группками деревьев.

Киммерийская кровь в жилах Конана забурлила от представшей ему удивительной сцены, контраста темных утесов, серой массы и света яркого города. Город пробуждал зловещие предчувствия. Блеск его пурпурных, позолоченных куполов был какой-то мрачный. Черные, разрушившиеся утесы очень подходили к нему. Это выглядело так, будто город древней, демонической магии поднимался зловещим блеском посреди руин и разрушения.

— Это должно быть крепость Прячущихся, — прошептал Конан. — Кому придет в голову искать подобный город в необитаемой стране?

— Но даже мы не можем сражаться против целого города, — проворчал Тубал.

Конан замолчал, изучая открывшийся вид. Город был не таким большим, как показалось на первый взгляд. Он был компактным и не был обнесен стеной. Парapет по краям плато — вот и вся его защита. Двух— и трехэтажные дома стояли между удивительных рощ и садов — удивительные, потому что плато выглядело как твердая скала и не имело почвы для растительности. Наконец, он принял решение и сказал:

— Тубал, возвращайся обратно в наш лагерь в ущелье Призраков. Возьми лошадей и скачи в Кушаф. Скажи Балашу, что мне нужны все его мечи, пройди с казаками и кушафцами через трещину и спрячьтесь в этих ущельях, пока не получите сигнал от меня или не узнаете, что я мертв.

— Да чтоб Птеор сожрал Балаша! А как же ты?

— Я иду в город.

— Ты с ума сошел!

— Не беспокойся, мой друг. Это единственный путь освободить Нанайю живой. Затем мы можем придумать план атаки на город. Если я останусь жив и свободен, я встречусь с вами здесь; в противном случае ты

с Балашем поступайте по своему собственному усмотрению.

— Что ты собираешься сделать с этим гнездом дьяволов?

Конан прищурил глаза.

— Мне нужна база для империи. Мы не можем ни оставаться в Иранистане, ни возвращаться в Туран. Почему бы мне не обосноваться в этом неприступном месте? А теперь иди.

— Балаш не любит меня. Он плюнет мне в бороду и я убью его, а его собаки убьют меня.

— Он так не сделает.

— Он не придет.

— Он пройдет и сквозь Ад, если я пошлю за ним.

— Его люди не пойдут; они боятся дьяволов.

— Они пойдут, когда ты скажешь, что эти дьяволы — это обыкновенные смертные.

Тубал подергал свою бороду и наконец сказал настоящую причину, почему он не хотел оставлять Конана.

— В этом городе с тебя живьем сдерут кожу!

— Нет, я противопоставлю обман обману. Я представлюсь беглецом от гнева короля, разбойником, ищущим убежища.

Тубал исчерпал свои аргументы. Ворча себе в бороду, толстошней шемит стал карабкаться вниз и исчез в ущелье. Когда он исчез из виду, Конан тоже спустился и пошел по направлению к утесам.

3. ПРЯЧУЩИЕСЯ

Конан достиг подножия утесов и начал подниматься по крутой дороге, не обнаружив ни одного человека. Тропа петляла между череды уклонов с низкими, массивными, циклопическими стенами вдоль внешнего края. Это была работа не иллбарских горцев; она выглядела прочной и древней, как сами горы.

На последних тридцати футах скат переходил в крутые ступеньки, вырезанные в скале. До сих пор никто еще не окликнул Конана. Он прошел сквозь полосу низких укреплений вдоль края плато и наткнулся на семерых человек, увлеченных игрой.

От шороха обуви Конана по гравию семерка вскочила на ноги дико оглядываясь по сторонам. Это были зуагирцы, пустынники шемиты, стройные ястребоносые воины с развевающимися кафиями на головах и рукоятками кинжалов и кривых сабель, высывающими из-за поясов. Они подхватили лежавшие перед ними дротики и подготовились к броску.

Конан не показал никакого удивления, остановившись и спокойно за ними наблюдая. Зуагирцы, подозрительные, как загнанные в угол дикие кошки, недоверчиво смотрели на него.

— Конан! — воскликнул самый высокий из зуагирцев, его глаза загорелись страхом и подозрением. — Что ты здесь делаешь?

Конан поднял свои глаза и ответил:

— Я ищу вашего господина.

Не было видно, чтобы они поверили ему. Они пошептались между собой, держа дротики наизготовку. Над всеми возвышался голос зуагирца:

— Вы галдите как вороны! Это же очевидно: мы играли и не видели, как он пришел. Мы не справились со своей обязанностью. Если это станет известно, последует наказание. Давайте убьем его и сбросим с утеса.

— Давайте, — согласился Конан. — Попробуйте это сделать. А когда ваш господин спросит: «Где же Конан, который принес мне важные новости?», скажите: «Да вот, ты не предупредил нас об этом человеке, и мы убили его, чтобы преподать тебе урок!»

Они вздрогнули от его иронии. Один проворчал:

— Убейте его копьем; никто не узнает.

— Нет! Если первый бросок не достигнет цели, он окажется среди нас, как волк среди ягнят.

— Схватить его и перерезать ему горло! — предложил самый молодой

из группы. Другие так убийственно на него посмотрели, что он отступил назад в смущении.

— Да, перережьте мне горло, — сказал с издевкой Конан подтянув свою саблю так, чтобы рукоятка оказалась под рукой.

— Ножи молчат, — прошептал самый молодой. Он был награжден пинком копья в живот и согнулся, с трудом дыша. Видя, как была поубавлена злоба у некоторых из их невежливых товарищей, зуагирцы стали спокойнее. Высокий спросил Конана:

— Тебя здесь ждут?

— Зачем бы я иначе пришел? Разве ягненок полезет без приглашения в утробу к льву?

— Ягненок! — зуагирец крякнул. — Ты больше похож на серого волка с окровавленными клыками.

— Если на них и есть немного свежей крови, то это кровь тех глупцов, которые не выполняют приказы своих начальников. Последней ночью, в ущелье Призраков...

— Ради Ханумана! Так это с тобой дрались эти глупые сабатинцы? Они говорили, что убили вендийского қупца и его слуг в ущелье.

Так вот почему часовые были так беспечны! Из каких-то соображений сабатинцы соглашали об исходе битвы и Часовые на Дороге не ожидали преследования.

— Никого из вас не было там? — спросил Конан.

— Разве кто-то из нас хромает? Кто-то окровавлен? Кто-то изнемогает от ран? Нет, мы не дрались, Конан!

— Тогда будьте мудрее и не повторяйте их ошибки. Вы поведете меня к тому, кто ждет меня, или хотите испачкать свои бороды в дерьме, проигнорировав его команды?

— Да хранят нас от этого боги! — сказал высокий зуагирец.

— Не было ни одного приказа, который бы соответствовал тому, что ты говоришь. Но если это ложь, наш господин увидит твою смерть, а если не ложь, то к нам не будет претензий. Дай нам свое оружие и мы отведем тебя к нему.

Конан отдал свое оружие. Обычно он дрался до конца, не позволяя себя разоружить. Но сейчас ставка в игре была слишком высока. Старший ударил молодого зуагирца пинком под зад, сказав ему стеречь Лестницу так, будто от этого зависела его жизнь; потом дал приказы остальным.

Когда они сомкнулись вокруг невооруженного киммерийца, Конан знал, что их руки чешутся от непреодолимого желания всадить ему нож в спину. Но он посеял семена сомнения в их примитивные мозги, так что

они не посмеют ударить.

Они отправились по широкой дороге, ведущей к городу. Конан спросил небрежно:

— Сабатинцы пришли в город как раз перед рассветом?

— Да, — последовал короткий ответ.

— Они не могли двигаться быстро, — рассуждал Конан. — У них были раненые и взятая в плен девушка, которую они тянули с собой.

Один начал отвечать:

— Почему, что касается девушки...

Высокий начальник рявкнул на него, заставив замолчать и со злостью посмотрел на Конана.

— Не отвечайте ему. Если будет насмехаться над вами, не огрызайтесь. Змея и та менее коварна. Если мы заговорим с ним, он обведет нас вокруг пальца еще до того, как мы достигнем Янаидара.

Конан отметил, что название города соответствует легенде, рассказанной Балашем.

— Почему вы мне не доверяете? Разве я не пришел с открытыми руками?

— Да! — зуагирец невесело рассмеялся. — Однажды я видел, как ты пришел к гирканским вельможам Корузуну с открытыми руками, но когда ты закрыл свои руки, улицы стали красными. Нет, Конан, я давно тебя знаю, еще с тех времен, когда ты водил своих разбойников по степям Турана. Мой разум не может тянуться с твоим, но я могу держать свой язык за зубами. Ты не обманешь и не ослепишь меня словами. Я не буду разговаривать с тобой, а если кто-то из моих людей будет отвечать тебе, я разобью ему голову.

— Мне кажется, я знаю тебя, — сказал Конан. — Ты Антар, сын Ади. Ты был отважным воином.

Покрытое шрамами лицо зуагирца засветилось от похвалы. Затем он опомнился, нахмурился, выругал одного из своих ни в чем не повинного человека и чопорно зашагал впереди отряда.

Конан шел с видом человека, сопровождаемого почетным эскортом, и его спокойствие повлияло на воинов. Когда группа приблизилась к городу, они уже не держали свои дротики наизготовку, а несли их на плечах.

Когда они подошли к Янаидару, стал ясен секрет растительности. Плодородная почва, доставленная из удаленных равнин, заполняла углубления, сделанные в плато. Тщательно разработанная система глубоких, узких оросительных каналов, беря начало в природном бассейне недалеко от центра города, пронизывала сады. В плато, укрытом кольцом

пиков, климат был мягче, чем в горах.

Дорога бежала между больших фруктовых садов и входила собственно в город — ряды каменных домов с плоскими крышами стоящих друг против друга по бокам широкой, мощеной главной улицы, с садами, примыкающими к ним. В дальнем конце улицы начиналась расщелина с полмили длиной, резко отделявшая город от гор, которые хмурились над ним и позади него. Плато было похоже на большой уступ, выпирающий из массивного склона.

Люди работали в садах или слонялись без дела вдоль улицы, наблюдая за зуагирцами и их пленником. Конан видел иранистанцев, гирканцев, шемитов и даже немного вендийцев и черных кушитов. Но ни одного иллбарца; очевидно, смешанное население не объединялось с коренными жителями гор.

Улица расширялась, переходя в сак, заканчивавшийся у южной стороны широкой стены, которая окружала дворцовое здание с пышным куполом.

У массивных, отделанных золотом ворот с бронзовым засовом не было никакой охраны, кроме пестро одетого негра, низко склонившего голову, когда он открывал главный вход. Конан и его эскорт вошли в широкий внутренний двор, вымощенный цветной плиткой, посреди которого играл фонтан и порхали голуби. С запада и востока двор был ограничен внутренними стенами, из-за которых выглядывала зеленая растительность других садов. Конан увидел высокую башню, которая поднималась до уровня купола. Ее изящная плиточная отделка блестела в солнечном свете.

Зуагирцы прошли через двор, где их остановила у дворцового портика охрана из тридцати гирканцев, сверкающих в своих украшенных плюмажем шлемами из посеребренной стали, позолоченными латами, щитами из кожи носорога и отделанными золотом кривыми саблями. Ястреболицый капитан охран коротко поговорил с Антаром, сыном Ади. По их манерам Конан определил, что никакой симпатии друг к другу они не испытывают.

Затем капитан, которого называли Захак, махнул своей тонкой желтой рукой, и Конан был окружен дюжиной сверкающих гирканцев и его повели по широким мраморным ступеням и сквозь широкую арку, дверь которой была открыта. Зуагирцы, понурившись, последовали за ними.

Они проходили сквозь широкие, тускло освещенные залы, под сводчатыми, украшенными резьбой потолками которых висели дымящие бронзовые курильницы, а покрытые бархатными занавесками альковы намекали о своих тайнах. Таинственность и неуловимая угроза скрывалась в темных, пышных залах.

Вскоре они перешли в более широкий коридор и приблизились к двустворчатой бронзовой двери, по бокам которой стояли еще более пышно одетые часовые. Они стояли равнодушно, как статуи, когда гирканцы прошли со своим пленником или гостем в мимо них и вошли в полукруглую комнату. В ней украшенные драконами gobелены закрывали стены, скрывая все окна и проходы, кроме того, в который они вошли. Под сводчатым потолком висели золотые лампы, украшенные золотой и эbonитовой резьбой.

Напротив большого дверного проема стояло мраморное возвышение. На возвышении стояло покрытое балдахином кресло, выгравированное и отделанное как трон, и на бархатной подушке, подстеленной на сиденье, сидела тонкая фигура в усыпанной жемчугом одежде. На тюбане розового цвета блестела большая золотая брошь в форме руки, держащей кинжал в форме пламени. Лицо под тюбаном было овальным, светло-коричневым, с маленькой остроконечной черной бородой. Конан предположил, что этот человек с дальнего востока, Вендии или Косалы. Темные глаза смотрели на кусок отшлифованного кристалла, лежащего на пьедестале перед человеком, кусок размером с кулак Конана, грубой сферической формы, но отделанный как большой драгоценный камень. Он сверкал с яркостью, не соответствовавшей освещению тронного зала, как если бы в его глубинах горел мистический огонь.

С другой стороны трона стоял гигантский кушит. Он был будто высечен из черного базальта, одетый только в шелковую набедренную повязку и сандалии, с широкой кривой саблей в руках.

— Кто это? — вяло спросил человек на троне у гирканцев.

— Киммериец Конан, мой властелин! — ответил с важным видом Захак.

В темных глазах появился интерес, перешедший в подозрительность.

— Как он пришел в Янаидар без предупреждения?

— Зуагирские собаки, которые охраняли лестницу, говорят, что он пришел к ним, клянясь, что его звал Маг Сынов Езма.

Конан напрягся, услышав этот титул, его глаза уставились на овальное лицо. Но он ничего не сказал. Бывает время и для молчания, так же как и для смелой речи. Его следующее движение зависело от слов Мага. Они могли заклеймить его как обманщика и погубить. Но Конан рассчитывал на то, что ни один правитель не прикажет убить его, не попытавшись выяснить, зачем он сюда пришел, и на тот факт, что мало кто из правителей целиком доверял своим подданным.

После паузы мужчина на троне сказал:

— Это закон Янаидара: Ни один человек не может подняться по Лестнице, если он не сделает Знака так, чтобы Часовые Лестницы могли его видеть. Если он не сделал Знака, нужно вызвать Стража Ворот, который побеседовал бы с чужаком, до того как он поднимется по Лестнице. О Конане не предупреждали. Стража Ворот не вызывали. Конан сделал Знак до того как подняться?

Антар вспотел, бросив ядовитый взгляд на Конана, и сказал голосом, резким от переживания:

— Часовой у трещины не сделал никакого предупреждения. Конан появился на утесе до того, как мы увидели его, хотя мы были бдительны как орлы. Он волшебник, который может делаться невидимым по своему желанию. Мы думали, что он говорил правду, когда сказал, что ты посыпал за ним, иначе ему не был бы известен Секретный Путь...

На узком лбу зуагирца выступила испарина. Человек на троне казалось не слышал его голоса. Захак свирепо ударил Антара по рту открытой рукой.

— Молчи, собака, пока Маг не прикажет тебе говорить!

Антар пошатнулся, кровь потекла по его бороде. Он посмотрел убийственным взглядом на гирканца, но ничего не сказал. Маг вяло пошевелил своей рукой, говоря:

— Уведите зуагирцев. Держите их под стражей до дальнейших распоряжений. Даже если человека ждут, Часовые не должны позволить застигнуть себя врасплох. Конан не знал Знака, кроме того, он беспрепятственно поднялся по Лестнице. Если бы они были бдительны, даже Конан не смог бы сделать этого. Он никакой не чародей. Можете идти. Я поговорю с Конаном наедине.

Захак поклонился и повел своих сверкающих мечников между молчаливыми рядами воинов по обе стороны двери, ведя дрожащих от страха зуагирцев перед собой. Когда те проходили мимо Конана, то посмотрели на него горящим взглядом, полным ненависти.

Захак закрыл бронзовую дверь за ними. Маг сказал Конану по-иранистански:

— Можешь говорить свободно. Эти черные люди не понимают иранистанского языка.

Конан, перед тем как ответить, удобно развалился на диване, стоящем перед возвышением, положив ноги на скамеечку для ног. Маг не показал удивления тому, что его посетитель уселся без приглашения. Его первые слова показали, что он часто общался с жителями Запада и ради своих собственных интересов терпел их непосредственность. Он сказал:

— Я не посыпал за тобой.

— Конечно, нет. Но мне нужно было что-нибудь сказать этим глупцам, иначе пришлось бы их всех поубивать.

— Что тебе здесь нужно?

— Что бывает нужно человеку, который приходит в гнездо разбойников?

— Он может быть шпионом.

Конан грубо рассмеялся.

— Чьим?

— Как ты узнал Дорогу?

— Я пошел за грифами; они всегда приводят меня к моей цели.

— Они приводят; ты слишком часто кормишь их досыт. А что с кхитайцем, который сторожил трещину?

— Мертв; он не прислушался к голосу разума.

— Грифы следуют за тобой, а не ты за грифами, — прокомментировал Маг.

— Почему ты не предупредил о своем приходе?

— Но кем? Последней ночью в ущелье Призраков банда твоих глупцов напала на мой отряд, убила одного и похитила другого. Четвертый человек сбежал, так что когда поднялась луна, я пошел сюда один.

— Это были сабатинцы, чья обязанность — сторожить ущелье Призраков. Они не знали, что ты искал меня. Они приковыляли в город на рассвете, с одним убитым и большинством ранеными, и клялись, что убили богатого вендинского купца и его слуг в ущелье Призраков. Очевидно, они боялись признаться, что удрали, оставив тебя живым. Они пожалеют о своей лжи, но ты не сказал мне, зачем ты сюда пришел.

— Чтобы найти убежище. Я поссорился с королем Иранистана.

Маг пожал плечами.

— Я знаю об этом. Кобад Шах перестанет досаждать тебе некоторое время, если не навсегда. Он был ранен одним из наших агентов. Тем не менее эскадрон, который он послал за тобой, все еще идет по твоему следу.

Конан почувствовал покалывание в затылке, вызванное таким волшебством.

— Кром! Ты хорошо осведомлен о последних новостях.

Маг слегка кивнул по направлению кристалла.

— Безделушка, но не бесполезная. Однако, мы хорошо храним свои секреты. Так что, раз ты знаешь о Янаидаре и о дороге в Янаидар, тебе должно быть сказал об этом один из наших Тайных Братьев. Это Тигр послал тебя?

Конан почувствовал ловушку.

— Я не знаю никакого Тигра, — ответил он. — Мне не нужно рассказывать секретов; я раскрываю их сам. Я пришел сюда, потому что мне нужно место, где я мог бы спрятаться. Я потерял расположение в Аншане, а туранцы проткнут меня, если поймают.

Маг сказал что-то по-стигийски. Конан, зная, что тот не стал бы менять язык их беседы без какого-то умысла, сделал вид, что не понимает.

Маг заговорил с одним из негров и гигант вынул серебряный молоток из-за своего пояса и ударил им в золотой гонг, висевший между гобеленами. Едва замерло эхо, как бронзовая дверь открылась настолько, чтобы пропустить стройного человека в скромной шелковой одежде, который склонился перед возвышением. По бритой голове в нем можно было узнать стигийца. Маг называл его «Хаза» и задавал ему вопросы на языке, который только что проверил на Конане.

— Ты знаешь этого человека? — спросил Маг.

— Да, мой лорд.

— Наши шпионы упоминали о нем в своих отчетах?

— Да, мой лорд. В последнем донесении из Аншана говорилось о нем. В ту ночь, когда твой слуга пытался казнить короля, до покушения, этот человек тайно беседовал с королем около часа. Затем он спешно покинул дворец и покинул город с тремя сотнями всадников, которых после видели на дороге в Кушаф. За ним была послана погоня, но догнали ли они его, или все еще ищут, я не знаю.

— Ты можешь идти.

Хаза поклонился и вышел, а Маг некоторое время размышлял. Затем он поднял голову и сказал:

— Я верю, что ты говоришь правду. Ты бежал из Аншана в Кушаф, где не чествуют друзей короля. Твоя враждебность к туранцам хорошо известна. Нам нужны такие люди. Но я не могу посвятить тебя, пока Тигр не проверит тебя. Его сейчас нет в Янаидаре, но он вернется к завтрашнему утру. Тем временем мне интересно было бы выяснить, как ты узнал о нашем сообществе и о нашем городе.

Конан пожал плечами.

— Я слышал тайны, которые пел ветер, шелестя в ветках сухих тамарисков, и истории караванщиков, рассказывавших шепотом о звенящем огне в караван-сарайах.

— Так ты знаешь о наших целях? О наших стремлениях?

— Я знаю, как вы себя называете. — Конан, нашупывая путь, умышленно делал свои ответы двусмысленными.

— Ты знаешь, что означает мой титул? — спросил Маг.

— Маг Сынов Езма — главный чародей езмитов. В Туране говорят, что езмиты были расой, жившей еще до Катастрофы, которая обитала на берегах Вилайетского моря, и практиковала странные ритуалы, колдовство и каннибализм, до того, как пришли гирканцы, уничтожившие их без остатка.

— Так говорят, — усмехнулся Маг. — Но их потомки все еще обитают на холмах Шема.

— Так я и думал, — сказал Конан. — Я слышал истории о них, но считал их легендами.

— Да! Мир считает, что это легенды... но со временем Начала Появления Огня Езма он так и не был целиком потущен, хотя в течении целых столетий от него оставались только тлеющие угольки. Общество Прячущихся — это самый старый культ из всех. Оно предшествует культу Митры, Иштар и Асуры. Оно не признает расовых и религиозных различий. В древние века его ветви протянулись по всему миру — от Грондара до Валузии. Люди разных земель и рас принадлежали и принадлежат обществу Прячущихся. В давние-давние времена езмиты были только одной ветвью, хотя из их расы выбирали жрецов культа.

После Катастрофы культ восстановился. В Стигии, Ахероне, Косе и Заморе были группировки культа, покрытые тайной. Расы, между которыми они обитали, лишь смутно догадывались об их существовании. Но, когда прошло тысячелетие, эти группы изолировались друг от друга и распались, каждая ветвь пошла своим собственным путем и каждая утратила свою мощь из-за отсутствия единства.

— В прежние времена Прячущиеся влияли на судьбы империй. Они не вели армий на поля сражений, а сражались ядом и огнем и кинжалами с огненными лезвиями, которые разили в темноте. Их послы смерти в алых мантиях шли вперед, чтобы выполнять приказы Магов Сынов Езма, и умирали короли в Луксуре, в Питоне, в Кутшеме, в Дагоне.

И я — потомок тех, кто были Магами Езма в дни Тутамона, тот, кого боятся во всем мире! — фанатический блеск горел в темных глазах. — На всем протяжении своей юности я мечтал обосновать величайший из культов, в который был посвящен еще ребенком. Богатство, которое я получил из своих рудников, превратило мечту в реальность. Вирата из Косалы стал Магом Сынов Езма, первым, кто носит этот титул за последние пятьсот лет.

Кредо Прячущихся широкое и глубокое, как море. Оно объединяет людей из разных сект. Шаг за шагом я объединял разные ветви культа: зугитов, джилитов, эрликитов, езудитов. Мои посланники путешествовали

по миру в поисках членов древних сообществ и находя их — в переполненных городах, среди бесплодных гор, в тишине нагорных пустынь. Медленно, но уверенно, моя группа увеличивалась, так как я не только объединял разные ветви культа, но и находил новых сторонников среди смелых и отчаянных душ в десятках других рас и сект. Все равны перед Огнем Езма; среди моих последователей есть почитатели Гуллаха, Сета и Митры; Деркето, Иштар и Юна.

Десять лет тому назад я пришел с моими последователями в этот город, эту груду руин, неизвестную горцам, так как их суеверные легенды заставляли их сторониться этих мест. Здания были развалившимся камнем, каналы завалены бульжниками, рощи были дикими и запущенными. Шесть лет понадобилось, чтобы восстановить город. Значительная часть моего успеха заключается в большом труде, так как доставить сюда материал незаметно — это трудная и опасная работа. Мы привозили его из Иранистана, по старому караванному пути с Юга по древнему спуску на западной стороне плато, который я затем разрушил. Но наконец я мог увидеть забытый Янаидар таким, как он выглядел в древности.

Смотри!

Он поднялся и кивнул. Гигантские негры приблизились с каждой стороны к Магу, когда он подошел к алькову, спрятанному за гобеленом. Они оказались на зарешеченном балконе, глядя вниз, в сад, окруженный пятидесяти футовой стеной. Эта стена была почти полностью покрыта кустарником. Экзотический запах поднимался от массы деревьев, кустов и цветов, и звеневшего серебряного фонтана. Конан увидел женщин, двигавшихся между деревьями, полуодетых в прозрачный шелк и усыпанный драгоценностями бархат — стройные, гибкие девушки, преимущественно вендианки, иранистанки и шемитки. Мужчины, видно под воздействием наркотика, лежали под деревьями на шелковых подстилках. Мелодично наигрывала музыка.

— Это Райский Сад, такой, который использовали маги в старые времена,

— сказал Вирата, закрывая окно и возвращаясь в тронный зал. — Тех, кто служит мне хорошо, поят наркотиком из сока пурпурного лотоса. Проснувшись в этом саду, видя прекраснейших женщин мира, прислуживающих им, они думают, что действительно находятся на небесах, обещанных тем, кто умер служа Магу. — Козаланец тонко улыбнулся. — Я показываю тебе это потому, что не собираюсь предложить тебе попробовать «вкус Рая», как тем. Ты не такой глупый, чтобы тебя можно было легко одурачить. Тебе не повредит знать эти секреты. Если ты

не понравишься Тигру, твое знание умрет с тобой; в противном случае ты будешь знать не больше, чем узнал бы так или иначе как один из Сынов Гор.

Ты можешь высоко подняться в моей империи. Я стану таким же могущественным, как и мои предшественники. Шесть лет я готовился; затем я начал наносить удары. Последние четыре года мои последователи уходили с отравленными кинжалами, как и в те старые дни, не признавая никаких законов, кроме моей воли, неподкупные, невидимые, ищащие смерти больше, чем жизни.

— И ваша конечная цель?

— Ты что, еще не догадался? — козланец почти прошептал это, его глаза расширились и были белыми от фанатизма.

— Кто не догадался? — проворчал Конан. — Но я предпочел бы услышать это от тебя.

— Я буду править миром! Сидя здесь, в Янаидаре, я буду управлять его судьбами! Короли на своих тронах будут не более, чем марионетки, танцующие на моих нитках. Те, кто не будет мне подчиняться, умрут. Вскоре никто не посмеет не подчиняться. Власть будет моей. Власть! Яджур! Что может быть важнее?

Конан молча сопоставил хвастовство Мага об абсолютной власти с ролью мистического Тигра, который должен был решить судьбу Конана. Власть Вираты очевидно была не самой верховной.

— Где девушка, Нанайя? — спросил он. — Твои сабатинцы похитили ее после того, как убили моего заместителя Хаттусаса.

Выражение удивления появилось на лице Вираты.

— Я не понимаю, о ком ты говоришь. Они не приводили с собой никаких пленных.

Конан был уверен, что тот лгал, но понимал, что задавать дальнейшие вопросы бесполезно. Он тревожно размышлял, из каких соображений Вирате понадобилось утаивать информацию о девушке.

Маг кивнул рукой негру и тот снова ударил в гонг. Снова, поклонившись, вошел Хаза.

— Хаза покажет тебе твою комнату, — сказал Вирата. — Тебе туда принесут еду и питье. Ты не пленник; никакой охраны не будет. Но я вынужден попросить тебя не покидать своей комнаты без сопровождения. Мои люди подозрительно относятся к посторонним и, пока ты не посвящен... — он оборвал предложение многозначительным молчанием.

4. ШЕПЧУЩИЕ МЕЧИ

Невозмутимый стигиец повел Конана сквозь бронзовые двери, мимо сверкающей охраны, и свернул в узкий коридор, который ответвлялся от главного прохода. Он провел Конана в комнату со сводчатым потолком из слоновой кости и сандалового дерева через единственную тяжелую дверь из обитого латунью тикового дерева. Здесь не было ни одного окна; воздух и свет проходили сквозь отверстия в куполе. Стены были увешаны роскошными гобеленами; пол был скрыт под коврами.

Хаза, поклонившись, без всяких слов закрыл за собой дверь. Конан уселся на бархатный диван. Это была самая причудливая ситуация в его жизни, наполненной бурными и кровавыми приключениями. Он беспокоился о судьбе Нанайи и стал обдумывать свой следующий шаг.

В коридоре раздался звук шагов. Вошел Хаза, а за ним следом огромный негр, несущий яства на золотых блюдах и золотой кувшин вина. До того, как Хаза закрыл дверь, Конан заметил кончик шлема, торчащий из-за гобеленов, скрывавших альков на противоположной стороне коридора. Вирата солгал ему, когда сказал, что его никто не будет охранять, на что Конан в общем-то и не рассчитывал.

— Кирасское вино, мой лорд, и еда, — сказал стигиец. Скоро тебе пришлют девушку, прекрасную как рассвет, которая будет развлекать тебя.

— Хорошо, — проворчал Конан.

Хаза сделал знак рабу поставить еду. Он сам попробовал все блюда и выпил большой глоток вина, перед тем, как поклонившись вышел. Конан, недоверчивый, как загнанный в ловушку волк, заметил, что стигиец попробовал вино в конце и когда выходил из комнаты, то немного споткнулся. Когда дверь закрылась, Конан понюхал вино. Букет вина был такой прекрасный, что только его острые варварские ноздри могли уловить в нем примесь ароматного запаха, который он узнал. Это был запах пурпурного лотоса с мрачных стигийских болот, который заставлял человека уснуть глубоким сном на короткое или длинное время в зависимости от дозы. Поэтому Хаза торопился выйти из комнаты до того, как влияние наркотика будет заметным. Конан задумался. Неужели Вирата собирался отправить его в Райский Сад после всего этого.

Исследования показали, что еда не была испорчена примесями и он с жадностью набросился на нее.

Едва он закончил и еще смотрел на поднос, словно надеялся там найти

еще чего-нибудь поесть, как снова открылась дверь. Стойная, гибкая фигура проскользнула внутрь: девушка в золотом нагруднике, отделанном драгоценностями поясе и прозрачных, шелковых шароварах.

— Кто ты? — спросил Конан.

Девушка метнулась обратно, ее коричневая кожа побледнела.

— О господин, не бейте меня! Я ничего не сделала! — ее темные глаза расширились от страха и возбуждения; ее слова перескакивали с одного на другое, пальцы по-детски дрожали.

— Разве кто-то говорил, что собирается бить тебя? Я спросил, кто ты такая.

— Я... Меня зовут Парусати.

— Как ты здесь оказалась?

— Они похитили меня, мой владыка, Прячущиеся, однажды ночью, когда я прогуливалась по отцовскому саду в Айодхье. По тайной, дьявольской дороге они привезли меня в этот город дьяволов, чтобы сделать рабыней, как они поступили с другими девушками, которых похитили из Вендии, Иранистана и других стран. — Она говорила торопливо. — Я живу здесь месяц. Я почти умираю от стыда! Меня пороли! Я видела как другие девушки умирали от пыток. О, какой позор для моего отца. Его дочь стала рабыней служителей дьявола.

Конан ничего не сказал, но налившиеся кровью голубые глаза были достаточно красноречивы. Хотя его карьера была наполнена кровопролитием, убийствами и грабежами, по отношению к женщинам он обладал грубым, варварским кодексом рыцарства. До этого момента он еще обдумывал идею действительно примкнуть к культу Вираты — надеясь стать его господином, убив если нужно, его руководителей. Теперь его намерения сконцентрировались на разрушении этого змеиного гнезда и основании на его месте своего собственного логова. Парусати продолжала:

— Сегодня пришел Начальник Девушек чтобы отправить одну девушку к тебе проверить, нет ли у тебя спрятанного оружия. Она должна была обследовать тебя, пока ты находишься под влиянием наркотика. Затем, когда ты проснешься, ей нужно было вовлечь тебя в разговор, чтобы потихоньку выяснить, шпион ты или честный человек. Он выбрал меня для этой задачи. Я была ужасно напугана и когда обнаружила, что ты не спишь, вся моя решимость окончательно растаяла. Не убивай меня!

Конан хмыкнул. Он не собирался трогать и волоска на ее голове, но решил пока не говорить ей об этом. Ее ужас мог быть полезен.

— Парусати, ты знаешь что-нибудь о женщине, которую привели недавно сабатинцы?

— Да, мой лорд! Они привели ее сюда пленной, чтобы сделать из нее девушку для развлечений как остальных. Но она сильная, и после того, как они прибыли в город и передали ее в руки гирканской охраны, она вырвалась, выхватила кинжал и убила брата Захака. Захак потребовал ее жизни, а он настолько влиятелен, что даже Вирата не мог отказать ему в этом.

— Так вот почему Маг солгал о Нанайе, — прошептал Конан.

— Да, мой лорд. Нанайя находится в темнице под дворцом и завтра ее отведут к гирканцу для пыток и казни.

Темное лицо Конана стало зловещим.

— Отведи меня сегодня ночью туда, где спит Захак, — попросил он. Его прищуренные глаза выдавали его смертельные намерения.

— Нет, он спит с воинами, проверенными степными мечниками. Их слишком много даже для такого сильного бойца как ты. Но я могу провести тебя к Нанайе.

— А как же охранник в коридоре?

— Он не увидит нас и не впустит сюда никого, пока не увидит, что я вышла.

— Тогда давай, — Конан вскочил на ноги, словно тигр, собирающийся на охоту.

Парусати колебалась.

— Мой владыка, если я поняла тебя правильно, ты не собираешься примкнуть к этим дьяволам, а хочешь их уничтожить?

Конан по волчьи оскалился.

— Можно сказать, что с теми, кто мне не нравится, происходят несчастные случаи.

— Значит, ты обещаешь не причинять мне вреда, а если сможешь, то освободишь меня?

— Если смогу. А теперь давай не будем терять больше времени на болтовню. Веди.

Парусати отодвинула гобелен на стене, противоположной двери, и нажала причудливый знак. Панель отодвинулась внутрь, давая доступ к лестнице, которая спускалась вниз в неосвещенную глубину.

— Хозяева думают, что их рабы не знают их секретов, — прошептала она.

— Идем.

Она пошла по лестнице, задвинув за собой панель. Конан очутился в темноте, которая была почти абсолютной, если не считать слабого мерцания света сквозь отверстия в панели. Они спускались, пока Конану

не показалось, что они уже ниже дворца и в этот момент они достигли узкого ровного туннеля, который отходил от подножия лестницы.

— Кшатрия, который собирался бежать из Янаидара, показал мне этот тайный путь, — сказала она. — Я собиралась бежать вместе с ним. Мы спрятали здесь еду и оружие. Его поймали и пытали, но умирая он не выдал меня. Вот меч, который он спрятал. Она нашупала нишу и достала оттуда оружие, которое передала Конану.

Спустя несколько мгновений они достигли обитой железом двери и Парусати сделав предупреждающий знак, подвела Конана к ней и показала крошечное отверстие, сквозь которое можно было смотреть. Он увидел широкий коридор, с одной стороны которого была пустая стена, в которой виднелась единственная эбеновая дверь, украшенная орнаментом и запертая на тяжелый засов. С другой стороны был ряд камер с зарешеченными дверьми. Другой конец коридора был очень близко и был закрыт другой тяжелой дверью. Древняя подвешенная бронзовая лампа давала сильный свет.

Перед дверью в одну из камер стоял сверкающий гирканец в блестящих латах и украшенном пломажем шлеме, с кривой саблей в руке. Пальцы Парусати затрепетали в руке Конана.

— Нанайя в этой камере, — прошептала она. — Ты сможешь убить гирканца? Он могучий мечник.

С мрачной улыбкой Конан проверил на вес оружие, которое она дала ему

— длинное лезвие из вендиjsкой стали, легкой, но очень прочной. Конан не стал объяснять, что он был мастером в борьбе на прямых мечах Запада и изогнутых саблях Востока, дважды изогнутых иллбарских ножах и шемских палашах в форме листа. Он открыл потайную дверь.

Когда он шагнул в коридор, то мельком увидел лицо Нанайи, наблюдающей из-за решеток позади гирканца. Скрипнула петля и охранник вскочил по-кошачьи, сжав до почернения губы и сразу бросился в атаку.

Конан встретил его на полпути и две женщины увидели игру мечей, которая бы зажгла кровь и королям. Было слышно только быстрый, мягкий шорох ног, скольжение и дребезг стали, и дыхание борцов. Длинные легкие лезвия фатально мерцали в призрачном свете, словно живые создания, части мужчин, которые держали их в руках.

Висевшее на волоске равновесие сдвинулось. Губы гирканца скривились в предчувствии поражения и от отчаянной попытки умереть вместе со своим врагом. Более громкий звон лезвий, вспышка стали — и

мерцающее лезвие Конана казалось погладило гирканца по шее. Но когда гирканец свалился на пол, его шея был наполовину разрублена. Он умер без крика.

Конан стоял какое-то мгновение над ним. Меч в его руку был испачкан темно-красными следами. Его туника была разорвана и выглядывавшая из-под нее мускулистая грудь легко поднималась и опускалась. Только капельки пота блестевшие на ней и на лбу выдавали его напряжение. Он оторвал связку ключей с пояса мертвеца и скрежет стали в замке заставил Нанайю прийти в себя.

— Конан! Я потеряла всякую надежду, но ты пришел. Какая борьба! Я бы хотела уметь наносить такие удары! — высокая девушка легко шагнула вперед и подобрала меч гирканца. — Что теперь?

— У нас будет мало шансов, если мы попытаемся выбраться до темноты, — сказал Конан. — Нанайя, когда придет другой охранник, чтобы сменить того, которого я убил?

— Они меняют охрану каждые четыре часа. Его смена только что началась.

Конан повернулся к Парусати.

— Какое сейчас время дня? Я не видел солнца с раннего утра.

Вендийская девушка ответила:

— Сейчас день; закат будет через четыре часа.

Конан понял, что он был в Янаидаре дольше, чем ему казалось.

— Как только стемнеет, мы попытаемся выбраться отсюда. Сейчас мы вернемся в мою комнату. Нанайя спрячется на потайной лестнице, а Парусати выйдет через дверь и вернется в женские комнаты.

— Но когда охранник придет на смену, — сказала Нанайя, — он увидит, что я сбежала. Ты собираешься оставить меня здесь, когда я уже собиралась уйти отсюда, Конан.

— Я не могу рисковать; я не могу вывести тебя отсюда. Когда они обнаружат, что тебя нет, может быть их растерянность поможет нам. Мы спрячем это тело.

Он повернулся к удивительно разукрашенной двери, но Парусати вскрикнула:

— Только не сюда, мой лорд! Ты хочешь открыть ворота в Ад?

— Что ты имеешь в виду? Что находится за этой дверью?

— Я не знаю. Тела казненных мужчин и женщин, и замученных пытками, но еще живых, выносили в эту дверь. Что случилось с ними, я не знаю, но я слышала их крики. Они были более ужасными, чем под пыткой. Девушки рассказывали, что за этой дверью находится логово пожирающего

людей демона.

— Может быть и так, — сказала Нанайя. — Но несколько часов назад здесь был раб, который швырнул в эту дверь что-то, что не было ни мужчиной ни женщиной, но я не смогла рассмотреть, что же это было.

— Без сомнения, это был младенец, — сказала Парусати передернувшись.

— Вот что я скажу тебе, — сказал Конан. — Мы оденем это тело в твою одежду и положим его в камеру, отвернув лицо от двери. Ты девушка крупная, так что она подойдет ему. Когда придет другой охранник, быть может он подумает, что это ты, спящая или мертвая, и начнет искать охранника, а не тебя. Чем дольше они не узнают, что ты сбежала, тем больше времени будет у нас.

Без колебаний Нанайя сбросила свою куртку, стянула через голову рубашку и сняла шаровары, пока Конан стаскивал одежду с гирканца. Парусати едва дышала от шока.

— Что случилось, ты что, никогда не видела голых людей? — прорычал Конан. — Помоги мне.

Через несколько минут Нанайя была одета в одеяние гирканца за исключением шлема и лат. Она безрезультатно пыталась оттереть кровь, которая пропитала верхнюю часть одежды с длинными рукавами, пока Конан тащил гирканца в одежду Нанайи в камеру. Он развернул лицо мертвого мужчины вниз и к стене, так чтобы не было видно его усов и бороды и натянул рубашку Нанайи на страшную рану на шее. Конан закрыл дверь в камеру и вручил ключи Нанайе. Он сказал.

— Мы ничего не можем поделать с кровью на полу. У меня еще нет определенного плана, как скрыться из города. Если я не смогу уйти, я убью Вирату — а все остальное в руках Крома. Если вы обе выберетесь отсюда, а я нет, пострайтесь уйти по тропе и встретить кушафцев, когда те придут. Я послал Тубала за ними на рассвете, так что он доберется до Кушафа после сумерек и кушафцы смогут прибыть к каньону ниже плато к завтрашнему утру.

Они вернулись к потайной двери, которая закрытая выглядела как часть голой каменной стены. Они прошли туннель и поднялись по лестнице.

— Тебе придется скрываться здесь, пока не придет время, — сказал Конан Нанайе. — Оставь себе мечи; мне они пока не пригодятся. Если со мной что-нибудь случится, открой эту дверь-панель и пострайся выбраться отсюда с Парусати, если та придет за тобой.

— Как прикажешь, Конан, — Нанайя села скрестив ноги на самой

верхней ступеньке.

Когда Конан и Парусати вернулись обратно в комнату, Конан сказал:

— Теперь иди; если ты еще задержишься здесь, у них могут возникнуть подозрения. Постарайся вернуться сюда ко мне, как только стемнеет. Я думаю, я буду здесь до тех пор, пока не вернется этот парень Тигр. Когда будешь возвращаться, скажи охраннику, что тебя послал Маг. Я займусь им, когда мы будем готовы уходить. И скажи им, что ты застала меня напившимся вина с наркотиком и что не нашла у меня никакого оружия.

— Да, мой лорд! Я вернусь после темноты, — девушка дрожала от страха и возбуждения, когда покидала его.

Конан взял кувшин и обмазал себе рот вином так, чтобы можно было почувствовать запах. Затем он вылил его содержимое в закоулок за гобеленом и развалился на диване, притворившись спящим.

Через несколько секунд дверь снова открылась и вошла девушка. Конан не открывал глаз, но он знал что это была девушка по легкому движению босых ног и запаху духов; он даже знал, что это была не Парусати. Очевидно, Маг не слишком доверял своим женщинам. Конан не считал, что ее послали убить его — для этого достаточно было яда в вине, поэтому он не рискнул посмотреть на нее сквозь сжатые веки.

То, что девушка была напугана, было ясно по ее учащенному дыханию. Ее ноздри почти коснулись его губ, когда она пыталась уловить запах вина с наркотиком в его дыхании. Ее мягкие руки украдкой пробежались по нему в поисках спрятанного оружия. Затем со вздохом облегчения она выскоцила из комнаты.

Конан расслабился. До того, как мог что-то предпринять было несколько часов, так что он мог прекрасно выспаться. Его жизнь и жизнь девушек зависела от его способности найти путь из города этой ночью. А пока он спал так сладко, будто лежал в доме своего друга.

5. МАСКА СОРВАНА

Конан мгновенно проснулся, когда рука коснулась двери в его комнату и вскочил на ноги, полный настороженности, когда с поклоном вошел Хаза. Стигиец сказал:

— Маг Сынов Езма хочет, чтобы ты явился к нему. Тигр вернулся.

Так значит Тигр вернулся раньше, чем ожидал Маг! Конан почувствовал напряжение, когда последовал за стигийцем из комнаты. Хаза не повел его в комнату, где Маг впервые встретился с ним. Он провел его по извивающемуся коридору к позолоченной двери, перед которой стоял гирканский мечник. Этот человек открыл дверь, и Хаза поторопил Конана пройти через порог. Дверь за ним закрылась. Конан остановился.

Он стоял в широкой комнате без окон, но с несколькими дверями. На противоположном конце комнаты на диване развалился Маг со своими черными рабами за спиной. Вокруг него собралось около дюжины вооруженных людей разных рас: зуагирцы, гирканцы, иранистанцы, шемиты, и даже мерзко выглядевший коссец, первый гибореец, которого Конан видел в Янаидаре.

Но Конан лишь мельком посмотрел на этих людей. Его внимание было приковано к человеку, который доминировал над всеми. Этот человек стоял между ним и диваном Мага, широко расставив ноги, как человек привыкший к седлу. Он был такой же высокий как и Конан, но не такой массивный. У него были широкие плечи; его стройная фигура была твердая как сталь и пружинистая как китовый ус. Короткая черная борода безуспешно пыталась спрятать агрессивный выступ его худых челюстей, а из-под высокой запоросканской меховой шапки пронзительно смотрели серые холодные глаза. Плотно обтягивающие штаны подчеркивали его худобу. Одна рука ласкала инкрустированную драгоценностями рукоятку сабли. Другая теребила его тонкие усы.

Конан понял, что игра проиграна. Так как это был Ольгерд Владислав, запоросканский авантюрист, который знал Конана слишком хорошо, чтобы его можно было обмануть. Ему трудно было бы забыть, как Конан сместил его с руководства бандой зуагирцев перебив ему на прощание руку меньше чем три года тому назад.

— Этот человек хочет присоединиться к нам, — сказал Вирата.

Мужчина, которого называли Тигром, тонко усмехнулся.

— Безопасней лежать в кровати с леопардом. Я давно знаю Конана.

Он проползет в твою банду, настроит людей против тебя и прогонит тебя, когда ты меньше всего этого ожидаешь.

Его глаза убийственно смотрели на киммерийца. Этих слов Тигра было достаточно, чтобы убедить своих людей.

Конан засмеялся. Он сделал все чего мог достичь обманом и ловкостью и теперь его игра была проиграна. Он мог снять маску с неусмиряемой души варвара-берсерка и окунуться в яркое безумство битвы без сомнений и сожалений.

Маг сделал отрицающий жест.

— Я полагаюсь на твой суд в этих делах, Тигр. Поступай как хочешь; он не вооружен.

Волчья безжалостность появилась на лицах воинов, уверенных в беспомощности своей жертвы. Сталь выскользнула из ножен. Ольгерд сказал:

— Твой конец будет интересным. Дай-ка нам взглянуть, такой же ли ты стойкий как тогда, когда висел на хоранском кресте. Связать его...

Говоря это, запоросканец неторопливо потянулся за своей саблей, будто забыв, каким опасным может быть чернобородый варвар, какая первобытная быстрота скрывается под массивными мускулами Конана. До того как Ольгерд успел вытянуть свой меч, Конан прыгнул и ударил как пантера. Толчок его сжатого кулака был похож на удар сокрушительного молота. Ольгерд упал, из его челюсти брызнула кровь.

До того как Конан успел вытянуть меч запоросканца, над ним оказался коссец. Только он осознал смертельную скорость и свирепость Конана, но даже он был недостаточно быстр, чтобы защитить Ольгерда. Но он не дал Конану добраться до сабли, так как тому пришлось уворачиваться от трехфутового иллбарского ножа, занесенного над ним. Конан поймал руку с ножом, предотвратив удар, но его железные мышцы запястья разжались от этого усилия. Тогда своей правой рукой он выхватил кинжал из-за пояса коссца и всадил его по рукоятку ему между ребер таким же движением. Коссец застонал и упал, умирая, а Конан выдернул нож, когда тот рухнул.

Все это случилось с ошеломляющей скоростью, забрав не более мгновения. Ольгерд оказался на полу, а коссец умирал до того как другие смогли действовать. Но сейчас их встречал нож длиной в ярд в руке самого искусного борца на ножах с гиборейских времен.

Едва Конан завертелся, встречая напор нападавших длинным разящим лезвием, как один зуагирец упал с перерубленной шеей, прощаясь с жизнью. Взвизгнул распотрошенный гирканец. Стигиец сделал обманный

выпад с кинжалом и отшатнулся, зажимая темно-красный поток, хлынувший из обрубка кисти руки.

В этот раз Конан не стал прижиматься спиной к стене. Он прыгнул в гущу врагов, сжимая в руках убийственный нож. Они кружились и размахивали мечами вокруг него. Он был в центре урагана лезвий, которые сверкали, наносили выпады и удары, снова и снова промахиваясь, так как он постоянно менял свою позицию и так быстро, что их взгляд не успевал проследить за ним. Их число мешало им; они разрезали ударами воздух и ранили друг друга, растерянные от его скорости и деморализованные волчьей яростью его атаки.

В этой тесноте длинный нож был более эффективен, чем кривые сабли. Конан использовал это преимущество каждый раз, размахивая ли сверху вниз и раскалывая чей-нибудь череп, или распарывая живот ударом снизу вверх.

Это была работа мясника, но Конан не сделал ни одного неверного движения. Он пробирался через эту свалку напряженных тел и мелькающих лезвий словно тайфун, оставляя за собой красный след.

Рукопашная длилась всего несколько мгновений. Затем оставшиеся в живых отскочили оглушенные и напуганные произведенным среди них опустошением. Конан повернулся и увидел Мага у дальней стены между бесстрастными кушитами. В тот момент, когда мышцы его ног напряглись для прыжка, выкрик заставил его обернуться.

В двери, выходившей в коридор, появилась группа гирканской охраны, натягивавшая тетивы толстых луков к подбородкам, в то время как гирканцы в комнате разбегались с их пути. Конан колебался не больше мига, пока правые руки лучников, играющие упругими мускулами, натягивали тетивы. Во время этого размышления он оценивал свои шансы добраться до Мага и убить его до того, как умрет сам. Он знал что на полпути в него воткнется с полдюжины стрел мощных гирканских луков, которые убивают с расстояния пятисот шагов. Их силы будет достаточно, чтобы пробить его легкую кольчугу и свалить его.

Когда командир отряда лучников открыл свой рот, чтобы крикнуть: «Стреляй!», Конан бросился плашмя на пол. Это произошло как раз в тот момент, когда пальцы лучников отпустили тетивы. Стрелы пронеслись в воздухе в нескольких дюймах над его спиной, перекрециваясь друг с другом с свистящим звуком.

Когда лучники потянулись за новыми стрелами в своих колчанах, Конан опустил свои кулаки, все еще сжимающие нож и кинжал, вниз с такой силой, что его тело взлетело в воздух и приземлилось на ноги. До

того, как гирканцы успели приготовиться ко второму залпу стрел, Конан оказался между ними. Его тигриный натиск и мелькающие лезвия оставили за ним след из корчащихся фигур. Он успел пробежать несколько комнат и хлопающих за ним дверей до того, как во дворце поднялся крик. Затем он обнаружил, что спускается по узкому коридору, который заканчивался тупиком с зарешеченным окном.

Химелианский горец выпрыгнул из алькова, поднимая копье. Конан налетел на него словно горный штурм. Растревавшись при виде запачканного кровью чужака, химелианец ткнул слепо копьем, промахнулся, отвел назад для другого удара и вскрикнул, когда Конан, обезумевший от жажды сражения, ударил с убийственной яростью. Голова химелианца соскочила с его плеч, брызнув темно-красной кровью и шлепнулась на пол.

Конан бросился к окну, обтесал прутья решетки ножом, затем схватился за них обеими руками и уперся ногами. Тяжелое усилие железной силы, дикий рывок и решетка оказалась у него в руках, выскочив с раскалывающим треском. Он выскочил на зарешеченный балкон, оглядывая сад. Позади него вниз по коридору неслись люди. Вслед ему свистели стрелы. Он бросился к решетке, выставив вперед нож и не останавливаясь врезался в хрупкий материал, разбив его вдребезги и покосаць приземлился на ноги в саду.

В саду было пусто, если не считать с пол дюжины скучно одетых женщин, которые с криками разбежались. Конан понесся к противоположной стене, петляя между деревьями, чтобы избежать летевшего за ним дождя стрел. Бросив мимолетный взгляд назад, он увидел разбитую решетку, яростные лица и руки, размахивающие оружием. В это время крик предупредил его об опасности впереди.

По стене бежал человек, сжимая в руках кривую саблю. Этот мужчина, темный, плотно сложенный вендиец, бежал как раз к тому месту, где стены должен был достигнуть беглец, но на несколько секунд опоздал. Стена была не выше человеческого роста. Конан схватился за парапетную плиту и с размаху взобрался на стену, почти не сбавив скорости. Спустя мгновение, выскочив на ноги, он увернулся от удара кривой сабли и всадил свой нож в огромный живот вендица.

Мужчина рухнул словно бык, обхватив руками своего убийцу в смертельном объятии, и они вместе перевалились через парапет. Конан мельком увидел ущелье с отвесными стенами, которое разинуло свою пасть под ними. Они ударились о его узкую губу, перекатились через нее и пролетев пятнадцать футов рухнули на каменное подножие. Когда они

летели вниз Конан развернулся в воздухе так, чтобы вендиец оказался под ним, и толстое, мягкое тело смягчило его падение. Но все равно у него перехватило дыхание от удара.

6. ОБИТАТЕЛЬ УЩЕЛИЙ

Пошатываясь, Конан поднялся на ноги с пустыми руками. Когда он оглянулся, то увидел ряд голов в тюрбанах и шлемах, выглядывающих из-за стены. Появились луки, в которые закладывали стрелы.

Быстрый взгляд показал Конану, что поблизости нет никакого укрытия. Из-за крутого угла, под которым лучники стреляли вниз в него было мало шансов спастись, второй раз упав плашмя.

Когда зазвенела первая тетива и мимо него просвистела стрела, раскололвшись о скалу, Конан бросился к телу вендийца, которого он убил. Он обхватил руками тело и перекатил мокрый, все еще теплый труп на себя. Едва он сделал это, как штурм стрел ударил в тушу. Конан, находясь под ней, смог почувствовать толчки, будто по телу лупили сокрушительные молоты. Но прикрытие вендийца было таким, что стрелы не могли, проткнув его, достигнуть Конана.

— Кром! — выкрикнул Конан, когда одна стрела ранила его в икру.

Дробь ударов прекратилась, когда езмиты увидели, что они только украшают перьями тело. Конан свел вместе толстые волосатые руки вендийца. Он перекатился на один бок, так чтобы тело упало на скалу позади него, вскочил на ноги и взвалил тело себе на спину. Теперь, когда он был спиной к стене, тело все еще служило щитом. Его мускулы задрожали от напряжения, так как вендиц весил больше, чем он.

Он пошел вниз в ущелье от стены. Езмиты завопили, когда увидели, что их жертва уходит от них, и послали еще один залп стрел ему вслед, который снова ударил в тело.

Конан скользнул под укрытие первой же скалы и сбросил с себя тело. Лицо и грудь мертвеца были утыканы более чем дюжиной стрел.

— Если бы у меня был лук, я бы показал этим собакам разок-другой, как нужно стрелять! — прошептал Конан яростно. Он выглянул из-за скалы.

Над стеной виднелись головы, но стрелы больше не летели. Зато он узнал среди них меховую шапку Ольгерда Владислава. Ольгерд закричал:

— Ты думаешь, что ты спасся? Ха-ха! Ступай; ты еще пожалеешь, что не остался в Янаидаре в руках моих убийц. Прощай, мертвый человек!

Резко кивнув своим людям, Ольгерд исчез. Другие головы также исчезли со стены. Конан стоял один, если не считать тела у его ног.

Осмотревшись подозрительно вокруг, он нахмурился. Он знал, что

южный конец плато был разрезан сетью ущелий. Очевидно, он находился в одном из них, выходящему из сети прямо к южной стороне дворца. Это было прямое ущелье, словно гигантский ножевой разрез, в десять шагов шириной, которое выходило из лабиринта ущелий прямо перед городом и отвесно обрываясь у утеса из твердого камня под садовой стеной, с которой он упал. Этот утес был пятнадцать футов высотой и был слишком гладким для природного образования.

Стены в этом конце ущелья также были отвесными и было видно, что их тоже обработали человеческие руки. Вдоль края стены и вдоль каждой стороны ущелья на пятнадцать фунтов тянулась железная полоса с короткими заостренными лезвиями, наклоненными вниз. Он избежал их при падении, но любой, кто попробовал бы вскарабкаться по стене, был бы разрезан ими на ленты. Дно ущелья круто спускалось вниз от города, так что там, где полосы заканчивались, стены были высотой больше двадцати фунтов. Конан был в тюрьме, частично естественной, частично сделанной человеком.

Посмотрев вниз, он увидел что ущелье расширяется и разбивается на сплетение меньших ущелий, разделяемых гребнями из твердого камня, за и над которыми выступала мрачная масса гор. Другой конец ущелья не был заблокирован, но он знал, что его преследователи не охраняли бы один край его тюрьмы так тщательно, если бы через другой конец можно было беспрепятственно уйти.

Но не в его натуре было признавать над собой власть рока. Они очевидно думали, что он в надежной ловушке, но кое-кто думал так и раньше.

Он вытянул нож из тела вендица, вытер с него кровь и зашагал вниз по ущелью.

В ста ярдах от городской стены он достиг входов в меньшие ущелья, выбрал один из них наудачу и сразу же оказался в лабиринте из ночного кошмара. Каналы, выдолбленные в скале, причудливо извивались в пустыне разрушенного камня. В основном они шли на север и на юг, но при этом хаотично разветвлялись, сливались и петляли. Он всегда натыкался на очередной тупик. Если он вскарабкивался на стены, чтобы преодолеть их, то за ними был спуск в другую ветку этой запутанной сети.

Когда он спускался вниз с одного гребня, что-то разломалось под его ногами с сухим треском. Оказывается, он наступил на сухие ребра безголового скелета. В нескольких ярдах отсюда лежал разбитый расколотый череп. Он начал спотыкаться об эти зловещие останки с пугающей частотой. У каждого скелета кости были разбиты и разбросаны,

череп раскроен. Стихия не могла этого сделать.

Конан стал идти осмотрительней, вглядываясь прищуренными глазами в каждый каменный выступ и затененную нишу. В одном месте был слабый запах мусора и он увидел валяющиеся вокруг куски дынной кожуры и остатки репы. В одном из нескольких песчаных пятен он увидел частично стертый отпечаток. Это не был след леопарда, медведя или тигра, как можно было бы ожидать в этих краях. Он больше походил на отпечаток босой человеческой ступни искаженной формы.

Он сразу же взобрался на выступающую скалу, за которую зацепились пряди жестких серых волос, оставшиеся из-за того, что кто-то терся спиной о камень. Там и здесь, смешиваясь с грудами мусора, стоял сильный неприятный запах, который он никак не мог опознать. Он тяжело стоял в пещерообразных нишах, где свернувшись мог спать человек или дьявол.

Видя, что ему никак не удается держаться прямого курса в каменном лабиринте, Конан взобрался на выветрившийся гребень, который выглядел выше остальных. Вскарабкавшись на его верхушку, он осмотрел лежащую перед ним пустыню. Его обзор, не считая северного направления, ограничивался отвесными утесами, поднимавшимися над уступами и гребнями на востоке, западе и юге, образуя по его мнению непрерывную стену, окружавшую сплетение ущелий. На севере эта стена была расколота ущельем, которое выходило к внешнему дворцовому саду.

Теперь строение лабиринта стало очевидным. Когда-то секция этой части плато, которая лежала между местом, где сейчас был город и горами, опустилась, образовав большую впадину в форме чаши, и поверхность впадины была изрезана ущельями, образовавшимися в результате эрозии, продолжавшейся многие века.

Блуждать по ущельям было бесполезно. Конану нужно было добраться до утесов, которые окаймляли гофрированную чашу, и найти способ преодолеть их по верху или через какой-нибудь разлом, по которому из чаши вытекает дождевая вода.

На юге он обнаружил ущелье, которое было протяженнее остальных и более менее прямо шло к основанию гор, чьи отвесные стены нависали над чашей. Он увидел также, что для того, чтобы достигнуть этого ущелья, ему лучше всего вернуться к подножию городской стены и двигаться по другому проходу, вместо того, чтобы карабкаться через десяток острых гребней, лежащих между ним и ущельем, которого он хотел достигнуть.

Таким образом, он спустился вниз и пошел обратно. Солнце низко висело над горизонтом, когда он снова попал в ущелье идущее от городской

стены и отправился к проходу, который должен был привести его к цели. Он мельком взглянул на дальний конец этого ущелья... и замер.

Тело вендица исчезло, хотя его кривая сабля все еще лежала на скале у подножия стены. Несколько стрел лежало рядом так, будто они вывалились из тела, когда его переносили. Конан уловил крошечный блеск на каменном подножии. Он подошел к этому месту и обнаружил там пару серебряных монет.

Конан подобрал монеты и посмотрел на них. Затем осмотрелся вокруг прищуренными глазами. Естественным объяснением было то, что езмиты как-то сюда пришли, чтобы забрать тело. Но если бы это было так, они наверняка подобрали бы годные стрелы и уж конечно не оставили бы здесь монет.

С другой стороны, если это были не янаидарцы, то тогда кто? Конан подумал о разбитых скелетах и вспомнил замечание Парусати о «двери в Ад». Были все основания полагать, что нечто враждебное человеку обитало в этом лабиринте. А что если украшенная орнаментом дверь в подземной тюрьме выходила в это ущелье?

Тщательный поиск обнаружил дверь, существование которой предположил Конан. Тоненькие трещины, выдававшие ее, не скрылись от внимательного взгляда, хотя со стороны ущелья дверь выглядела как часть утеса и идеально сливалась с ним. Конан с силой ударил по ней, но она даже не шелохнулась. Он вспомнил о ее тяжелой, обитой металлом конструкции и прочных засовах. Чтобы ее разрушить потребовался бы мощный таран. Прочность двери вместе с выступающими лезвиями над головой означали, что езмиты полностью защитили свой город от проникновения в него обитателя ущелий. С другой стороны успокаивало то, что это должно быть создание из плоти и кости, а не демон, против которого не помогут ни засовы, ни копья.

Конан посмотрел вниз глубокого оврага, по направлению к таинственному лабиринту, раздумывая, что же такое ужасное прячется в его проходах. Солнце еще не село, но со дна ущелья его уже не было видно. Хотя видимость была еще хорошей, но овраг наполнился тенями.

В это время Конан услышал странный звук: приглушенный барабанный бой, медленное «бум... бум... бум...», словно барабанщик отбивал тakt для марширующих людей. В звуке было что-то постороннее. Конан знал пощелкивание выдолбленных в бревне барабанов кушитов, звон медных литавр гирканцев и грохочущую пехотную барабанную дробь гиборейцев, но этот звук не был похож ни на один из них. Он оглянулся на Янаидар, но звук казалось шел не оттуда. Создавалось впечатление, что он

шел отовсюду и ниоткуда... из-под его ног также, как и из любого другого места.

Затем звук прекратился.

Таинственные синие сумерки покрыли ущелья, когда Конан снова вошел в лабиринт. Прокладывая путь между извилистых каналов, он добрался до более широкого ущелья, которое по его мнению было тем, что он видел с гребня и вело к южной стене чаши. Но не прошел он и пятидесяти ярдов, как оно раскололось об острый выступ на два суживающихся прохода. Этого разделения не было видно с гребня и Конан не знал по которой ветке ему пойти.

Когда он колебался, осматривая эти пути, он вдруг замер. Внизу правого прохода в нем открывалось еще более узкое ущелье, образуя колодец из синих теней. И в этом колодце что-то шевелилось. Конан застыл в напряжении, вглядываясь в отвратительное человекообразное создание, стоявшее в сумерках перед ним.

Это было словно дьявольское воплощение ужасной легенды, в плоти и крови; гигантская обезьяна такой же высоты на своих согнутых ногах, как и горилла. Она была похожа на огромных обезьян-людей, на которых охотились в горах вокруг Вилайетского моря, с которыми Конану приходилось сталкиваться и даже драться. Но эта была даже больше; ее волосы были длиннее и гуще, как у арктических животных, и светлее, пепельно-серые, почти белые.

Ее руки и ноги были более похожими на человеческие, чем у гориллы, большие пальцы на руках и ногах больше похожи на пальцы людей, чем антропоидов. Это был не обитатель деревьев, а животное, рожденное в обширных равнинах и мрачных горах. Лицо в основном было обезьяенным, хотя переносица была более отчетливой, челюсти менее животными. Но его человекообразные черты только увеличивали отвратительность его внешнего вида, а интеллект, который проглядывал из маленьких красных глаз, нес только злобу.

Конан знал, что это было: монстр, упоминавшийся в мифах и легендах севера — снежная обезьяна, обитатель неприступной Патении. Он слышал слухи о ее существовании в историях, доходивших с затерянной, унылой горной страны Лолан. Ее жители подтверждали истории о человекообразном животном, которое обитало там с незапамятных времен, приспособившись к голодным и холодным нагорным северным землям.

Все это пронеслось в голове Конана, когда они стояли друг против друга в угрожающей напряженности. Затем скалистые стены ущелья

отразили эхом высокий пронзительный крик обезьяны, когда она начала атаку, широко раскинув низко висящие руки и обнажив желтые мокрые клыки.

Конан ждал, удерживая равновесие на цыпочках, противопоставляя ловкий и длинный нож против силы могучей обезьяны.

Жертвы, попадавшие к монстру были разбиты и искалечены пытками или мертвые. Получеловеческая искра в его сознании, отделявшая его от животных, приводила монстра в ужасное ликование при виде смертельной агонии своей добычи. Этот человек был всего-навсего еще одним слабым созданием, которое можно разорвать и распотрошить, разбить его череп и добраться до мозгов, хотя он и стоит с какой-то блестящей штукой в руке.

Конан во время этой смертельной атаки думал о том, что единственный способ уцелеть — это избежать объятий этих огромных рук, которые могут раздавить его в одно мгновение. Монстр был быстрее, чем можно было подумать по его неуклюжему появлению. Несколько последних футов он пронесся по воздуху в гигантском прыжке. Но до того как он навис над Конаном, сомкнув свои большие руки, тот увернулся и его движению позавидовал бы и атакующий леопард.

Похожие больше на когти, ногти только распороли его тунику, когда он ловко прыгнул, рубанув ножом, и ужасный крик пронесся над гребнями ущелий. Правая кисть обезьяны была наполовину отрезана от руки. Густое сплетение бледных волос помешало тому, чтобы удар Конана полностью ее отсек. Брызгая кровью из раны животное развернулось и снова бросилось в атаку. В этот раз его бросок был таким стремительным, что ни один человек не смог бы от него увернуться.

Конан уклонился от сметающего взмаха огромной левой руки с черными ногтями, но массивное плечо ударило его и он пошатнулся. Его понесло к стене атакующим животным, но ему все же удалось в этот момент всадить свой нож по самую рукоятку в огромный живот и яростно распороть его, что было по его мнению смертельным ударом.

Они вместе вместе наскочили на стену. Огромная рука обезьяны ужасающе цеплялась за напрягшееся тело Конана. Крик животного оглушил его, когда вспенившиеся челюсти раскрылись над его головой. Затем они щелкнули в воздухе и сильная дрожь пробежала по телу. Страшная конвульсия отбросила киммерийца и он шатаясь смотрел на обезьяну, корчившуюся в агонии у подножия стены. Его яростный удар распотрошил ее, сокрушающее лезвие проникло сквози мышцы и кости до самого сердца.

Упругие мышцы Конана ныли, будто их долго растягивали. Его

железное тело смогло противостоять ужасной силе обезьяны и позволило ему остаться в живых в схватке с ней, хотя более слабого человека она разорвала бы на куски. Но потрясающее усилие потрясло даже его. Его туника была разорвана почти до самого тела и некоторые звеня кольчуги под ней были разрушены. Пальцы с острыми когтями оставили кровавую полосу на его спине. Он стоял тяжело дыша, будто после продолжительного бега, запачканный кровью, своей и обезьяней.

Конан передернулся, затем встал задумавшись. Красное солнце садилось за дальним пиком. Теперь ему все было ясно. Искалеченных пленников бросали сюда обезьяне через дверь в городской стене. Эта обезьяна, как и те что жили у Вилайетского моря, ела как мясную так и растительную пищу. Но нерегулярное снабжение пленниками не могло удовлетворить повышенный аппетит такого большого и активного животного. Тем не менее езмиты должны были кормить его постоянно; отсюда остатки дыни и репы.

Конан глотнул, почувствовав жажду. Он избавил ущелья от их обитателя, но может погибнуть от голода и жажды, если не найдет выхода из впадины. Где-то здесь без сомнения должен быть ручеек или лужица, из которой пила обезьяна, но чтобы найти их мог понадобиться целый месяц.

Сумерки накрыли ущелья и повисли над гребнями, когда Конан двинулся вниз по правому проходу. Через сорок шагов левая ветка снова соединилась со своей правой сестрой. По мере его продвижения стены становились все гуще усыпанными пещерообразными норами, в которых стоял сильный обезьяний запах. Он подумал было, что здесь может быть еще несколько этих созданий, но понял, что это мало вероятно, так как крик первой привлек бы всех остальных.

Наконец впереди завиднелись горы. Ущелье, по которому он шел, уменьшило глубину и Конан обнаружил, что уже карабкается по сыпучему скату. Наконец он взобрался на вершину и смог посмотреть через впадину на Янаидар. Он прислонился к утесу, такому гладкому, что и мухе трудно было бы найти на нем точку опоры.

— Кром и Митра! — проворчал он.

Он спустился по склону, усыпанному обломками породы, и стал пробираться вдоль основания утеса к краю чаши.

Здесь плато отвесно падало. Можно было двигаться или прямо вверх или прямо вниз; другого выбора не было.

Он не мог точно определить расстояние в сгустившейся темноте, но рассудил, что до низа длина в несколько раз больше чем его длина его веревки. Чтобы убедиться в этом, он размотал ее и опустил один конец на

полную длину вниз. Крюк на конце веревки свободно качался.

Тогда Конан развернулся и пошел вдоль основания утеса к другому краю плато. Здесь стена не была такой крутой. Опустив свою веревку, он удостоверился, что около тридцати футов внизу был уступ, который шел между разбитых скал и заканчивался на склоне горы. Казалось, есть шанс спуститься по нему, если хорошенко постараться. Это была не безопасная дорога — любой неверный шаг мог привести к падению скалолаза по каменному склону на несколько сот шагов — но он думал, что такая сильная девушка как Нанайя сможет это сделать.

Он все еще хотел попробовать проникнуть обратно в Янаидар. Нанайя должна была прятаться на потайной лестнице во дворце Вираты, если ее еще не обнаружили. Была возможность проникнуть туда, спрятавшись у двери в Ад и дождаться, когда езмиты откроют ее, чтобы вынести пищу для обезьяны. Возможно и то, что люди из Кушафа, поднятые Тубалом, уже находятся на пути в Янаидар.

В любом случае Конан должен был попытаться. Он слегка вздрогнул и пошел обратно по направлению к городу.

7. СМЕРТЬ ВО ДВОРЦЕ

Конан ощупью двигался обратно сквозь ущелья, пока не добрался до наружного ущелья и не увидел стену и утес на другом его конце. Огни Янаидара мигали в небе над стеной и он услышал приятную мелодию играющих кифар. Женский голос зазвучал в заунывной песне. Он мрачно улыбнулся в темноте, на дне усыпанного скелетами ущелья.

На скалах перед дверью не было никакой еды. Он никак не мог узнать, как часто кормили животное и собираются ли кормить этой ночью.

Приходилось рисковать, что с ним часто бывало. Мысли о том, что могло случиться с Нанайей, сводили его с ума от нетерпения, но он уравновешивал себя стоя у скалы напротив двери и ожидая, неподвижный как статуя.

Спустя час, когда даже его терпение истощилось, послышался грохот цепи и скрежет открываемой двери.

Кто-то всматривался в темноту чтобы убедиться, что ужасающего охранника ущелий нет поблизости перед тем, как открыть дверь сильнее. Лязгнули остальные засовы и наружу вышел человек с большой медной чашей, наполненной овощами. И когда он поставил ее, то произнес магическое заклинание. И пока он стоял нагнувшись Конан ударил его ножом. Человек упал, его голова покатилась вниз по ущелью.

Конан всмотрелся в открытую дверь и увидел, что освещенный лампой коридор был пуст; зарешеченные камеры были вакантными. Он оттащил безголовое тело вниз по ущелью и спрятал его между скал.

Затем он вернулся и зашел в коридор, закрыв за собой дверь и задвинув засовы. С ножом в руке он пошел к потайной двери туннеля, ведущего к спрятанной лестнице. Если спрятаться в тайном проходе не удастся, он может забаррикадироваться здесь с Нанайей в этом коридоре и продержаться, пока не придут кушафцы... если они придут.

Не успел Конан достигнуть потайной двери, как скрип петель за его спиной заставил его обернуться. Основная дверь на противоположном конце коридора открывалась. Конан помчался к ней, когда оттуда вышел вооруженный человек.

Это был гирканец, похожий на того, которого он убил раньше. При виде несущегося к нему Конана крик застрял у него в губах и он потянулся за своей кривой саблей.

В прыжке Конан набросился на него и прижал спиной к закрывшейся

двери, приставив к груди нож.

— Молчи! — прошипел он.

Охранник замер, его желтоватая кожа побледнела. Осторожно он убрал свою руку с рукоятки сабли и развел свои руки, показывая, что сдается.

— Здесь есть еще часовые? — спросил Конан.

— Нет, клянусь Тарумом! Я здесь один.

— Где иранистанская девушка, Нанайя? — Конан думал, что он знает где она, но надеялся таким образом узнать, известно ли о ее побеге и не была ли она вновь схвачена.

— Одним богам известно! — сказал охранник. — Я был в отряде часовых, которые вели зуагирских собак в тюрьму, где мы обнаружили нашего товарища в камере с наполовину перебитой шеей, а девушка исчезла. Во дворце поднялись страшные крики и беготня взад и вперед! Но мне было приказано охранять зуагирцев, так что я больше ничего не знаю.

— Зуагирцев? — спросил Конан.

— Да, тех кто позволил тебе спуститься по Лестнице. Завтра они умрут.

— Где они сейчас?

— В другой группе камер, за той дверью. Я как раз пришел оттуда.

— Тогда разворачивайся и иди обратно через эту дверь. И никаких уловок!

Охранник открыл дверь и шагнул в нее, словно ступая по обнаженным бритвам. Они вышли в другой коридор с рядами камер. При появлении Конана в двух из них пронесся шепот. Бородатые лица припали к решеткам и худые руки схватились за прутья. Семеро заключенных молча смотрели на него с ядовитой ненавистью в глазах. Конан выставил своего пленника перед этими камерами и сказал:

— Вы были преданными фаворитами; почему вас заперли здесь?

Антар, сын Ади, фыркнул ему в ответ.

— Из-за тебя, чужеземная собака. Ты захватил нас врасплох на Лестнице и Маг приговорил нас к смерти еще до того как узнал, что ты был шпионом. Он сказал, что мы либо мошенники либо дураки, заснувшие на посту, так что завтра на рассвете мы умрем от ножей убийц Захака, да проклянет Хануман его и тебя!

— В таком случае вы попадете в Рай, — напомнил им Конан, — так как вы преданно служили Магу Сынов Езма.

— Чтоб кости Мага Езма грызли собаки! — выругался от всей души один из них.

— Чтоб тебя и Мага сковали вместе одной цепью в Аду! — добавил другой.

— Плевали мы на Рай! Это все ложь и обман, вызванные наркотиками!

Конан отметил, что Вирате не достает той преданности, которой похвалялись его предшественники, чьи последователи с радостью убивали сами себя по приказу.

Он взял связку ключей у охранника и глубокомысленно взвешивал ее в своей руке. Глаза зуагирцев были прикованы к ней, как смотрели бы люди в Аду на открытую дверь.

— Антар, сын Ади, — сказал он, — твои руки запачканы кровью многих людей, но когда я знал тебя раньше, ты никогда не изменял своей клятве. Маг забыл про вас и отбросил вас от себя. Вы больше не его люди, вы — зуагирцы. Вы ничего ему не должны.

Глаза Антара стали как у волка.

— Если бы я мог послать его в Араллу себя, я бы умер спокойно!

Все напряженно смотрели на Конана, который сказал:

— Клянетесь ли вы, каждый человек честью своего клана, следовать за мной и подчиняться мне до тех пор, пока не свершится мщение, или пока смерть не освободит вас от клятвы? — он спрятал ключи за спину, чтобы не слишком щеголять ими перед беспомощными людьми. — Вирата не дал вам ничего, кроме собачьей смерти. Я предлагаю вам возможность отомстить и в худшем случае умереть с честью.

Глаза Антара загорелись, а мускулистые руки задрожали, когда он взялся за прутья решетки.

— Освободи нас! — сказал он.

— Да, мы клянемся! — сказали люди за ним. — Послушай, Конан, мы клянемся, каждый честью своего клана!

Он поворачивал ключ в замке еще до того, как клятвы затихли. Дикими, жестокими, вспыльчивыми и вероломными были эти люди по цивилизованным стандартам, но у них был свой кодекс чести и он был достаточно близок к кодексу рода Конана из удаленной Киммерии, так что он понимал его.

Вывалившись из камеры они налетели на гирканца, крича:

— Убей его! Это одна из собак Захака!

Конан вырвал человека из их объятий, а самому настойчивому нанес такой удар, что тот растянулся на полу. И никто не выказал малейших признаков негодования.

— Прекратить! — рявкнул он. — Это мой человек и мы поступим с

ним так, как я этого хочу. — Он толкнул съежившегося гирканца перед собой вниз по коридору и вернулся в другой коридор. Зуагирцы следовали за ним. Поклявшись в преданности, они подчинялись ему слепо, не задавая вопросов. В другом коридоре Конан приказал гирканцу раздеться. Тот выполнил приказ дрожа от страха возможной пытки.

— Поменяйся с ним одеждой, — была следующая команда Конана Антару. Когда свирепый зуагирец начал ее выполнять, Конан сказал другому человеку:

— Иди через эту дверь в конце коридора...

— Но обезьяна-дьявол! — крикнул человек, к которому обращались. — Она разорвет меня на куски!

— Она мертвa! Я убил ее вот этим. Снаружи, за скалой, ты найдешь мертвого человека. Возьми его кинжал, а также подбери лежащий рядом меч.

Шемит посмотрел на Конана с благоговейным трепетом и удалился. Конан вручил свой кинжал одному зуагирцу, а кинжал гирканца с волнистым лезвием еще одному. Другие по его приказу связали охранника, воткнули ему кляп и втолкнули в потайную дверь в туннель, которую открыл Конан. Антар был в остроконечном шлеме, куртке с длинными рукавами и шелковых шароварах гирканца. Его черты лица были достаточно восточными, чтобы ввести в заблуждение любого, кто ожидал бы увидеть гирканца в этом одеянии. Конан тем временем натянул каффию Антара на свою голову так, чтобы она свисая закрывала его лицо.

— Двое все еще не вооружены, — сказал Конан, пробегая по ним глазами.

— Идем за мной.

Они снова зашли в туннель, перешагнули через тело связанного охранника и зашагали вдоль туннеля мимо смотровых глазков в лежащую перед ними темноту. У подножия лестницы они остановились.

— Нанайя! — позвал он мягко. Ответа не последовало.

Нахмутившись в темноте, Конан ощупью поднялся по лестнице. Нанай здесь не было, хотя в тайнике он нашел два меча, которые оставил здесь раньше. Теперь каждый из восьми человек имел какое-то оружие.

Взглянув сквозь глазок в комнату, в которой он спал, Конан увидел, что она пуста. Конан открыл панель, сначала чуть-чуть, потом целиком.

— Они должно быть нашли девушку, — прошептал он Антару. — Куда они могли ее отвести, если не обратно в камеру?

— У Мага были девушки, которых он наказывал за проступки в тронном зале, там где у тебя была аудиенция сегодня утром.

— Тогда веди... Что это?

Конан повернулся от звука медленного барабанного боя, который он слышал раньше, в ущельях. Снова казалось, что он приходил из-под земли. Зуагирцы посмотрели друг на друга, их темная кожа побледнела.

— Никто не знает, — сказал Антар с видимым содроганием. — Звук стал появляться несколько месяцев тому назад и с того времени становиться все сильнее, а возникает все чаще. В первый раз Маг перевернул вверх дном весь город в поисках его источника. Когда он ничего не нашел, он прекратил дальнейшие поиски и приказал людям не обращать никакого внимания на барабанный бой и даже упоминать о нем. Ходят слухи, что он провел много ночей в своей часовне, пытаясь с помощью заклинаний и колдовства выяснить источник звука, но в слухах ничего не говорится о том, нашел ли он что-нибудь.

Пока Антар рассказывал, звук прекратился. Конан сказал:

— Ладно, веди меня в ту комнату для наказаний. Остальные держитесь вместе и идите так, будто вы должны здесь ходить. Мы сможем обмануть нескольких дворцовых собак.

— Лучше всего идти через Райский Сад, — сказал Антар. — Перед главной дверью в тронный зал этой ночью на посту стоит сильный стигиец.

Коридор, в который выходила комната, был пуст. Зуагирцы пошли вперед. С приходом ночи атмосфера тишины и загадочности сгустилась над дворцом Мага. Свет горел более тускло; тени стали плотнее и даже слабый ветерок не шевелил неясные видимые гобелены.

Зуагирцы знали дорогу хорошо. Их оборванная толпа, с бесшумными ногами и горящими глазами, быстро крадущаяся вдоль тусклого освещенного, богато украшенного прохода была похожа на бандуочных воров. В это время ночи охраны в коридоре было меньше. Их отряд не встретил никого, пока не добрался до позолоченной, закрытой на засов двери, перед которой стояли два гигантских черных кушита с обнаженными кривыми саблями.

При виде посторонних они молча подняли свои сабли; они были немыми. Полные страстного желания приступить к мести, зуагирцы налетели на этих двух негров. Пока остальные схватили их и повалили на пол, человек с мечами стал наносить им жестокие, беспощадные смертельные удары, сотрясаясь от усилий. Это было жестоко, но необходимо.

— Охраняй здесь, — приказал Конан одному из зуагирцев. Он бросился через открытую дверь и зашагал через сад, который сейчас, при

свете звезд был пустым. В нем смутно виднелись лишь белые цветы, густые деревья да полные загадочности заросли кустарника. Зуагирцы, теперь вооруженные мечами негров, важно шли за ним.

Конан привел всех к балкону, выходившему в сад, замаскированному ветвями деревьев. Зуагирцы подставили ему свои спины и он взобрался на них. Мгновенно он нашел окно, через которое смотрел с Виратой в сад. В следующее мгновение он пролез в него, произведя шума не больше чем кошка.

Из-за покрывала, скрывающего балконный альков, доносились звуки: женские стоны и голос Вираты.

Вглядевшись сквозь занавеску, Конан увидел Мага, восседавшего на троне под усыпаным жемчугом навесом. С другой стороны, недалеко от него находились охранники, словно эbonитовые статуи. Они присели на корточки перед возвышением в центре зала, натачивая кинжалы и нагревая железо на горячей жаровне. Нанайя, обнаженная, лежала между ними раскинув руки. Ее запястья и колени были привязаны к колышкам, вставленным в отверстия в полу. Больше в комнате никого не было, а тяжелая бронзовая дверь была закрыта на засов.

— Скажи мне, как ты сбежала из камеры, — приказал Вирата.

— Нет! Никогда! — она закусила губу, чтобы не потерять самообладания.

— Это был Конан?

— Ты спрашиваешь обо мне? — сказал Конан, шагнув в комнату с мрачной ухмылкой на темном, покрытом шрамами лице.

Вирата с криком вскочил. Кушиты выпрямились, огрызнулись и схватились за оружие.

Конан прыгнул вперед и всадил свой кинжал одному в горло до того, как тот смог вытащить свою саблю. Другой бросился к девушке и занес саблю, чтобы убить ее до того, как умрет сам. Конан перехватил удар своим ножом и нанес ответный удар, всадив по рукоятку нож в ему в диафрагму. Кушит по инерции полетел вперед на Конана, который припал к земле упер свободную руку в живот негра и выпрямился, подняв кушита над головой. Кушит скорчился и застонал. Конан бросил его на бок, тот с тяжелым стуком упал и затих.

Конан снова повернулся к Магу, который вместо того, чтобы попытаться бежать, приближался, приковав к нему пристальный взгляд широко раскрытых глаз. В его глазах появились какие-то особые огоньки, которые поймали взгляд Конана и удерживали его как магнит.

Конан, потянувшись к колдуна со своим ножом, вдруг почувствовал,

что он будто скован цепью, или будто он продирается сквозь вязкие стигийские болота, на которых растет черный лотос. Его мышцы выступили железными буграми. Пот струился по коже, когда он тянул невидимые оковы.

Вирата медленно приближался к киммерийцу, протягивая к нему руки, делая небольшие ритмические жесты своими пальцами и не отводя своего сверхъестественного взгляда от глаз Конана. Руки приближались к гору Конана. Конан почувствовал, что с помощью своего колдовского искусства этот хрупко выглядящий человек может переломать даже бычью шею киммерийца, как гнилую ветку.

Тянущиеся руки приближались все ближе. Конан напрягся еще сильнее, но казалось, что сопротивление только ускорила приближение Мага к нему.

И тогда Нанайя закричала длинным, высоким, пронзительным криком, как кричат наверное души, с которых сдирают кожу в Аду.

Маг слегка обернулся и на мгновение отвел свои глаза от глаз Конана. Словно целая тонна свалилась в этот миг со спины Конана. Вирата снова бросил взгляд на Конана, но киммериец уже знал, что с ним лучше не встречаться. Глядя сквозь прищуренные веки на подбородок Мага, он нанес сокрушительный удар своим ножом. Но удар пришелся по воздуху, так как косалец отскочил назад с нечеловеческой легкостью, повернулся и побежал к двери, крича:

— На помощь! Охрана! Ко мне!

Люди завопили и замолотили по двери с той стороны. Конан подождал, пока пальцы Мага схватятся за засов. Затем он метнул свой нож так, что он ударили Вирату между лопаток и прошел сквозь тело, пригвоздив его к двери, как насекомое к доске.

8. ВОЛКИ В ЗАПАДНЕ

Конан шагнул к двери и выдернул нож. Тело Мага скользнуло на пол. За дверью нарастал гул голосов, а в саду зуагирцы закричали, в безопасности ли он и нужно ли им присоединиться к нему. Он крикнул им подождать и поспешил освободить девушку, затем схватил с дивана кусок шелка и обернул вокруг нее. Она с истерическими рыданиями обхватила его шею.

— О Конан, я знала, что ты придешь. Они говорили мне, что ты мертв, но я знала, что они не смогут убить тебя...

— Оставь эти разговоры на потом, — сказал он резко. Подобрав сабли кушитов, он пошел на балкон и вручил Нанайю в руки зуагирцев, затем спрыгнул сам.

— Что теперь, лорд? — спросил зуагирец с отчаянной жаждой деятельности.

— Назад, по пути, по которому мы пришли, через тайный проход к двери в Ад.

Они побежали через сад, Конан держал Нанайю за руку. Не сделали они и дюжины шагов, как услышали впереди себя лязганье стали, перекрывавшее шум во дворце за их спиной. Сильные ругательства смешивались с лязгом металла, дверь хлопнула словно грохот грома, и сквозь кустарник отчаянно понеслась чья-то фигура. Это оказался зуагирец, которого они оставили охранять позолоченную дверь. Он выкрикивал проклятия и зажимал рану на разрубленном предплечье.

— Гирканские собаки у двери! — закричал он. — Кто-то увидел как мы убили кушитов и побежал к Захаку. Я всадил меч ему в живот меч и захлопнул дверь, но они скоро ее выломают.

— Антар, есть ли какой-нибудь путь из сада, который не идет через дворец? — спросил Конан.

— Этот путь! — Зуагирец побежал к северной стене, скрытой в листве. Позади себя они могли слышать, как раскалывается позолоченная дверь под натиском степных кочевников. Антар рубил и срывал ветви с листвами пока не нашел мастерски замаскированную дверь, сделанную в стене. Конан вставил рукоятку своего ножа в звено цепи старого замка и начал сгибать тяжелое оружие за лезвие. Его мускулы напряглись: зуагирцы наблюдали за ним тяжело дыша. Шум за ними нарастал. Последним усилием Конан разорвал цепь. Они прошли в меньший сад,

освещенный висящими фонарями как раз тогда, когда позолоченная дверь была выбита и поток вооруженных людей наполнил Райский Сад.

Посреди сада, в который попали беглецы, стояла высокая стройная башня, которую Конан заметил, когда в первый раз вошел во дворец. На втором этаже на несколько футов из нее выходил зарешеченный балкон. Над балконом башня поднималась прямо вверх в высоту больше сотни ярдов, а затем расширялась в обнесенную стеной площадку для наблюдения.

— Есть другой путь отсюда? — спросил Конан.

— Вот эта дверь ведет во дворец к месту недалеко от лестницы, спускающейся в тюрьму, — показал Антар.

— Тогда к ней! — сказал Конан, захлопывая за собой дверь и заклинивая ее ножом. — Это сможет задержать их по крайней мере на несколько секунд.

Они помчались через сад к указанной двери, но она оказалась закрытой на засов изнутри. Конан бросился на нее пытаясь выбить, но безуспешно.

Мстительные крики за ними достигли высшей точки, когда заклиненная кинжалом дверь раскололась. Проем наполнился дикими лицами и размахивающими руками, когда люди Захака протискивались в нее в безумном нетерпении.

— Башня! — прокричал Конан. — Если мы сможем попасть туда...

— Маг часто занимался магией в верхней комнате, — сказал задыхаясь зуагирец, бегущий за Конаном. Он не пускал в эту комнату никого, кроме Тигра, но люди говорят, что там хранится оружие. Внизу спят охранники.

— Давай! — прорычал Конан на бегу, так потянув Нанайю, что казалось, будто она летит по воздуху. Дверь в стене была окончательно выбита и оттуда в сад хлынули гирканцы, сбивая друг друга в суматохе. По шуму, доносившемуся с остальных сторон было ясно, что через несколько секунд Сад Башни будет кишеть людьми, бегущими сюда из остальных дверей.

Когда Конан приблизился к башне, дверь у ее основания открылась и наружу вышло пятеро охранников. Они взвизгнули при виде людей, летящих на них с горящими глазами и сверкая зубами при свете висящих фонарей. Не успели они схватиться за оружие, как Конан оказался между ними. Двоое напоролись на его врачающееся лезвие, в то время как зуагирцы занялись остальными тремя, нанося режущие и колющие удары, пока сверкающие фигуры не свалились залитые темно-красной кровью.

Но гирканцы из Райского Сада уже бежали к башне, сверкая оружием и звякая снаряжением. Зуагирцы ворвались в башню. Конан захлопнул бронзовую дверь и вставил на место засов, который мог выдержать натиск слона, как раз в тот момент, когда гирканцы столпились толпой у двери снаружи.

Конан и его люди поднялись наверх по лестнице, блестя глазами и зубами, все кроме одного, упавшего на полпути от потери крови. Конан понес его на оставшемся пути, потом положил на полу и сказал Нанайе перевязать страшную, глубокую рану, сделанную мечом одного из охранников, которых они только что убили. Затем он осмотрелся по сторонам. Они были в верхней комнате с маленькими окнами и дверью, выходящей на зарешеченный балкон. Свет от фонарей в саду, слабыми отблесками проходящий через решетку и окна, слегка освещал подставки для оружия стоящие вдоль стен: шлемы, кирасы, небольшие круглые щиты, копья, мечи, топоры, булавы, луки и пучки стрел. Оружия здесь было достаточно, чтобы снарядить целое войско и без сомнения его было еще больше в комнатах наверху. Вирата сделал в башне свой арсенал и охранял его также, как и магическую часовню.

Зуагирцы весело загаддали, хватая луки и колчаны со стены, и пошли на балкон. Несмотря на то, что некоторые из них были легко ранены, они начали стрелять сквозь дыры в решетке в вопящую толпу солдат, собравшихся внизу.

Им ответили штормом стрел, трескавшихся об решетку и некоторые из них пролетели внутрь. Люди снаружи стреляли наугад, так как они не могли видеть зуагирцев в тени. Со всех сторон к башне прибывали люди. Захака не было видно, но здесь были около сотни его гирканцев, а также толпились люди дюжины других национальностей. Они бегали по саду, вопя как демоны.

Фонари, раскачиваясь от толчков тел, спотыкавшихся о небольшие деревья, освещали массу искаженных лиц с бешено вращающимися зрачками. По всему саду сверкали лезвия. Кусты были вытоптаны от беготни и суматохи этой толпы. Бам! Они где-то достали балку и использовали ее как таран, пытаясь выбить дверь.

— Зайдитесь теми людьми с тараном! — крикнул Конан, натягивая самый упругий лук, какой только смог найти на подставках.

Выступ балкона мешал увидеть тех осаждавших, которые были у передней части тарана, но когда они подстрелили тех, кто был сзади, то передние выронили бревно, не выдержав его тяжести. Осмотревшись по сторонам, Конан с удивлением увидел Нанайю, которая обернула шелковую

простыню вокруг талии, сделав из нее рубашку, и стреляла вместе с зуагирцами.

— Мне казалось, я говорил тебе... — начал он, но она только коротко ответила:

— Будь все это проклято, у тебя нет чего-нибудь, что я могла бы использовать как скобу? Эта тетива скоро разрежет мне руку на клочки.

Конан отвернулся сбитый с толку и продолжил стрельбу из своего собственного лука. Он быстро понял, что он и его люди оказались в западне. В этот момент он услышал голос Ольгерда Владислава, который поднялся над гулом, словно раскат грома. Запорожец уже знал о смерти Вираты и мгновенно принял командование на себя.

— Они несут лестницы, — сказал Антар.

Конан всмотрелся в темноту. При свете раскачивающихся фонарей он увидел три лестницы, каждую из которых тянули в сторону башни по несколько человек. Он вышел в арсенал и вскоре снова вернулся на балкон с копьем.

Пара человек удерживала основание лестницы у земли, в то время как еще двое поднимали ее, идя по направлению к башне и удерживая стойки лестницы у себя над головой. Конец лестницы уткнулся в балкон.

— Толкай ее! Сбрось ее вниз! — закричали зуагирцы, и один начал тыкать своим мечем через решетку.

— Назад! — зарычал Конан. — Я сам побеспокоюсь об этом.

Он подождал, пока несколько человек начнут карабкаться по лестнице. Самым верхним из них оказался плотный парень с топором. Когда он замахнулся своим топором, чтобы разрубить хрупкую деревянную решетку, Конан просунул свою копье сквозь одну из дыр, размещенных как раз напротив перекладины, и толкнул его. Лестница качнулась назад. Люди на ней закричали ибросали свое оружие, схватившись за перекладины. Лестница и ее груз обрушились на передние ряды осаждавших.

— Сюда! Здесь еще одна! — крикнул зуагирец и Конан поспешил к другой стороне балкона, чтобы столкнуть вторую лестницу. Третью успели поднять только наполовину, когда стрелы уложили двух человек, поднимавших ее, и он упала обратно.

— Продолжайте стрелять, — проревел Конан, положив свое копье и натягивая большой лук.

Непрерывный дождь стрел, на который нельзя было эффективно ответить, остыдил боевой пыл толпы внизу. Она распалась и люди разбежались под укрытия, а зуагирцы с ликующими возгласами посыпали им вслед длинные залпы стрел.

Через несколько секунд в саду не осталось никого, кроме мертвых и умирающих, но Конан заметил какое-то движение людей вдоль окружающих сад стен и крыш.

Он снова вернулся в арсенал и поднялся по лестнице. Пройдя еще несколько комнат с оружием, он оказался в колдовской лаборатории Мага. Бросив мимолетный взгляд на пыльные манускрипты, странные инструменты и диаграммы, Конан двинулся дальше и выбрался на наблюдательную площадку.

Отсюда он мог оценить их позицию. Дворец, как он теперь видел, был окружен садами со всех сторон, кроме фасада, перед которым находился внутренний двор. Все было обнесено наружной стеной. Более низкие внутренние стены отделяли друг от друга сады, напоминая по форме спицы в колесе с высокой наружной стеной в качестве обода.

Сад, в котором они оказались в ловушке, находился на северо-западе от дворца, сразу за внутренним двориком, который был отделен стеной. Другая стена лежала между ним и другим садом на западе. Оба этих сада и Сад Башни находились с внешней стороны от Райского Сада, который был наполовину окружен стенами самого дворца.

За наружной стеной, которая окружала все дворцовые земли, Конан увидел внизу крыши города. Ближайший дом был не дальше тридцати шагов от стены. Везде горел свет: во дворце, в садах и примыкающих домах.

Шум, крики, стоны, проклятия и бряцанье оружия постепенно стихли. Затем из-за стены внутреннего дворика поднялся голос Ольгерда Владислава:

— Ты готов сдаться, Конан?

— Приди и проверь! — засмеялся Конан в ответ.

— Я приду... на рассвете, — уверил его запоросканец. — Можешь считать, что ты уже мертв.

— То же самое ты говорил мне, когда оставил в ущелье обезьяньедьявола, но я жив, а обезьяна мертва.

Конан говорил по-гиркански. Шум недоверия и злости поднялся со всех сторон. Конан продолжал:

— Езмиты знают, что Маг мертв, Ольгерд?

— Они знают, что Ольгерд Владислав — истинный правитель Янаидара, каким был и всегда! Я не знаю ни как ты убил обезьяну, ни как ты вытащил этих зуагирских собак из камер, но я повешу твою шкуру на эту стену раньше, чем через час после рассвета!

Вскоре с другой, скрытой от взора части внутреннего двора, донеслись

грохочущие звуки молотков. Ольгерд закричал:

— Ты слышишь это, ты, киммерийская свинья? Мои люди строят гелеполис

— осадную башню на колесах, которая сможет укрыть пятьдесят человек от твоих стрел. На рассвете мы подкатим ее к башне и ворвемся внутрь. Это будет твой конец, собака!

— Попробуй послать своих людей. Башня или не башня, а мы быстренько их всех перестреляем.

Запорожец ответил ироническим смехом, и переговоры на этом прекратились. Конан обдумал вариант неожиданного удара, чтобы вырваться из западни, но отбросил эту идею. Люди плотно засели за каждой стеной вокруг сада, и такая попытка была бы самоубийством. Крепость стала тюрьмой.

Конан подумал про себя, что если кушафцы не появятся вовремя, то это будет конец для него и для его отряда, несмотря на всю его силу, быстроту, свирепость и помощь зуагирцев.

Стучали невидимые молотки. Даже если кушафцы придут с восходом солнца, это может оказаться слишком поздно. Езмитам потребуется разбить часть садовой стены, чтобы провести машину в сад, но это не займет много времени.

Зуагирцы не разделяли дурные предчувствия своего командира. Они уже устроили хорошую резню; у них была сильная позиция, командир, которого они боготворили, и неограниченный запас стрел. Чего еще может желать воин?

Зуагирец, получивший серьезную рану мечом, умер на рассвете, когда стал бледнеть свет фонарей в саду. Конан посмотрел на свой жалкий отряд. Зуагирцы уселись на балконе, взглядываясь сквозь решетку, а Нанайя забылась во сне на полу, завернувшись в шелковую простыню.

Стук молотков прекратился. Вскоре в тишине Конан услышал скрип массивных колес. Он еще не мог видеть, что за сокрушительную силу построили езмиты, но мог различить темные силуэты людей, скопившихся на крышах домов за наружной стеной. Он посмотрел дальше, за крыши домов и кучки деревьев, в сторону северного края плато. В утреннем свете в укреплениях, тянувшихся вдоль окружавших плато утесов, не было видно никаких признаков жизни. Очевидно охранники, не напуганные судьбой Антара и его друзей, оставили свои посты чтобы присоединиться к дерущимся во дворце. Но, понаблюдев больше, Конан увидел группу из дюжины человек, тащившихся по дороге, которая вела к Лестнице. Ольгерд не хотел надолго оставлять это место без охраны.

Конан повернулся к зуагирцам. Их налитые кровью глаза молча смотрели на него с бородатых лиц.

— Кушафцы не пришли, — сказал он. — Скоро Ольгерд пошлет на нас своих убийц под прикрытием огромного щита на колесах. Они вскарабкаются под прикрытием этого щита по лестницам наверх и ворвутся сюда. Некоторых из них мы убьем; потом мы умрем.

— Как будет угодно Хануману, — ответили они. — Мы убьем многих, до того как умрем. Они ухмыльнулись, как голодные волки и взялись за оружие.

Конан выглянул наружу и увидел, как штурмующая машина грохочет через внутренний двор. Это было массивное сооружение из бревен, бронзы и железа на восьмиугольных колесах. По крайней мере пятьдесят человек могли укрыться за ним в безопасности от стрел. Оно подъехало к стене и остановилось. Сокрушительные удары начали разбивать стену.

Шум разбудил Нанайю. Она вскочила, протерла глаза, осмотрелась вокруг и побежала к Конану с криком.

— Тихо, тихо. Мы намнем им еще бока, — сказал он грубо, хотя сам думал иначе. Сейчас он ничего не мог сделать, только стоять и успокаивать ее, и возможно приберечь для нее последний милосердный удар меча.

— Стена рушится, — прошептал зуагирец с глазами рыси, всматриваясь через решетку. — Пыль поднимается от ударов. Скоро мы увидим людей, которые раскачивают тараны.

Камни высекали из слабеющей стены; затем рухнула целая секция. Люди вбежали в брешь, подбирая камни и унося их. Конан натянул сильный гирканский лук, который все время использовал, и послал по длинной дуге стрелу в брешь. Она вонзилась в езмита, который упал, крича и извиваясь. Другие люди оттащили раненого человека с пути и продолжали очищать проход. За ними виднелась осадная башня. Люди за ней нетерпеливо кричали тем, кто работал у бреши, чтобы те побыстрее очистили путь. Конан послал стрелу за стрелой в толпу. Некоторые отскакивали от камней, но другие достигали цели. Когда люди отскочили, бросив работу, резкий голос Ольgerда погнал их обратно.

Когда поднялось солнце, бросив длинные тени через дворы, последние остатки стены перед башней были убраны с пути. Затем, с сильным скрежетом и скрипом башня тронулась вперед. Зуагирцы стреляли в нее, но их стрелы попадали только в покрытие на ее передней части. Башня была такой же высоты, что и этаж, на котором они стояли, с

лестницами, поднимающимися к ее верхушке с внутренней стороны. Когда она достигла башни в саду, езмиты стали карабкаться вверх, чтобы пересечь маленькую платформу наверху и прорваться сквозь хрупкую решетку балкона, на которой присели Конан и его люди.

— Вы хорошо дрались, — сказал он им. — Давайте и закончим хорошо, уничтожив столько езмитских собак, сколько сможем. Вместо того, чтобы ждать, когда они прорвутся сюда, давайте сами разрубим решетку, выскочим на платформу ибросим оттуда езмитов. Затем мы сможем убить тех, кто будет подниматься по лестницам.

— Их лучники изрешетят нас с земли, — сказал Антар.

Конан пожал плечами, мрачно скривив губы.

— Мы тем временем успеем повеселиться. Пусть люди сходят в арсенал и возьмут копья; в таком бою они нам очень пригодятся. И там есть большие щиты; пусть те из нас, кто пойдут по бокам, несут их, чтобы защитить остальных.

Спустя некоторое время Конан выстроил в линию своих оставшихся в живых шестерых зуагирцев с копьями, а сам встал перед ними с массивным боевым топором, готовый разрубить решетку и пойти штурмом на платформу.

Башня приближалась все ближе, из-за нее доносились триумфальные крики.

Затем, когда осадная башня была на расстоянии длины копья от балкона, она остановилась. Но в это время затрубили трубы, поднялся сильный шум и люди за башней побежали обратно в сторону бреши в стене.

9. СУДЬБА ЯНАИДАРА

— Кром, Митра и Асур! — рявкнул Конан, бросив свой топор. — Не могли же собаки удрать до того, как их хотя бы ранили!

Он шагал взад и вперед по балкону, пытаясь рассмотреть, что же случилось, но масса брошенной осадной башни заслоняла ему обзор. Тогда он бросился в арсенал и поднялся по винтовой лестнице на наблюдательную площадку.

Он посмотрел на север, мимо крыш Янаидара, вдоль дороги, которая простиравлась за ним в утреннем свете. С полдюжины людей бежали по этой дороге. За ними через укрепления на краю плато неслись другие фигуры. Свирепый, глубокий вой доходил до ушей, прислушивающихся в неожиданно затихшем городе. И в этой тишине Конан снова услышал загадочный барабанный бой, который встревожил его в прошлые разы. Но сейчас его не волновало бы, если бы и все дьяволы Ада барабанили под Янаидаром.

— Балаш! — закричал он.

Снова небрежность часовых на Лестнице помогла ему. Кушафцы спустились по не охраняемой Лестнице как раз тогда, когда часовые только приближались к ней. Число несущихся по плато людей было больше, чем мог обеспечить Кушаф, и Конан даже отсюда смог узнать красные шелковые брюки своих казаков.

В Янаидаре оцепенелое изумление сменилось торопливой деятельностью. Люди кричали на крышах и бежали по улице. С крыши на крышу неслась новость о вторжении. Конан не удивился, когда несколько секунд спустя услышал резкий голос Ольгерда, отдающего приказы.

Вскоре люди начали заполнять площадь, выбегая из садов, дворов и домов вокруг площади. Конан увидел Ольгерда далеко внизу на улице среди сверкающей группы вооруженных гирканцев, впереди которых блестел украшенный пломажем шлем Захака. За ними шли сотни езмитских воинов, выстроившихся в боевой порядок. Очевидно, Ольгерд обучил их основам грамотного ведения войны.

Они двинулись вперед, будто собирались выйти на открытое место и встретить приближающуюся орду в бою, но в конце улицы рассеялись, укрывшись в садах и домах по бокам улицы.

Кушафцы были еще слишком далеко, чтобы видеть, что творилось в городе. Когда они достигли места, с которого была видна улица, та

казалась пустой. Конан, с его возвышенного места, мог видеть сады на северном краю города, где угрожающие собрались в группки фигуры, крыши, на которых засели люди с луками, приготовившись к действию. Кушафцы шли в ловушку, а он стоял здесь и ничем не мог им помочь. Конан издал сжатый стон.

Один из зуагирцев тяжело дыша поднялся по лестнице и встал рядом с Конаном, наматывая примитивную повязку вокруг раненого запястья. Он сказал сквозь зубы, которыми удерживал лоскут.

— Это твои друзья? Глупцы несутся прямо в зубы смерти.

— Я знаю, — проворчал Конан.

— Я знаю, что сейчас произойдет. Когда я был в дворцовой охране, я слышал, как Тигр рассказывал офицерам его план защиты. Ты видишь вон тот фруктовый сад, на конце улицы, с восточной стороны? Там прячется пятьдесят человек с мечами. Через дорогу находится сад, который мы называем Стигийским Садом. Там тоже засели в засаде пятьдесят воинов. В следующем за ним доме полно воинов, как и в первых трех домах на другой стороне

улицы.

— Зачем ты мне это рассказываешь? Я и сам вижу собак, приникших в фруктовом саду и на крышах.

— Да! Потом люди в фруктовом и Стигийском садах подождут, пока иллбарцы не минуют их и не окажутся между домами. Тогда лучники на крышах засыпят их стрелами, а мечники зажмут со всех сторон. Ни один человек не спасется.

— Если бы я мог их предупредить! — прошептал Конан. — Идем, спустимся вниз.

Он спустился вниз по лестнице и позвал Антара и других зуагирцев.

— Мы идем драться.

— Семеро против семисот? — спросил Антар. — Я не трус, но...

В нескольких словах Конан обрисовал ему то, что увидел с крыши.

— Если, когда Ольгерд захлопнет западню, мы сможем напасть на езмитов с тыла, то будем в состоянии изменить ход событий. Мы ничего не теряем, так как если Ольгерд уничтожит моих друзей, он вернется сюда и покончит с нами.

— Но как мы будем отличаться от собак Ольгерда? — настаивал зуагирец.

— Твои разбойники разрубят нас вместе с остальными, а потом начнут задавать вопросы.

— Идите сюда, — сказал Конан. В арсенале он вручил им покрытые

серебром кольчуги и бронзовые шлемы старого образца с высокими гребнями лошадиных волос, непохожие на те, которые носили в Янаидаре. — Оденьте вот это. Держитесь вместе и кричите «Конан!» как свой боевой клич и все будет в порядке. — Один из шлемов он одел сам.

Зуагирцы заворчали под весом снаряжения и стали объяснять, что они полуослеплены шлемами, чьи пластины над щеками закрывали большую часть их лиц.

— Оденьте их! — закричал Конан. — Это ближний бой, а не набег пустынных шакалов по правилу ударил-и-беги. А теперь ждите здесь, пока я не позову вас.

Он опять взобрался на верх башни. Свободные Компаньоны и кушафцы двигались по дороге тесным строем. Затем они остановились. Балаш был слишком хитрым старым волком, чтобы нестись сразу в город, о котором он ничего не знал. Несколько человек отделились и поехали к городу на разведку. Они исчезли за домами, потом появились вновь, несясь назад к главным силам. Их преследовало около сотни езмитов, бегущей шумной толпой.

Нападающие растянулись в боевую линию. Солнце блестело от массы стрел, летающих между двумя группами. Несколько езмитов упали до того, как остальные приблизились к кушафцам и казакам. На мгновение все скрылось в пыли и были видны только искры мелькающей стали. Затем езмиты были сломлены и побежали обратно к домам. Как и боялся Конан, нападавшие стали их преследовать, ревя как обезумевшие от крови демоны. Конан знал, что эта сотня была послана для того, чтобы заманить его людей в ловушку. Иначе Ольгерд не послал бы такие слабые силы против нападающих.

Они выбежали с обеих сторон на дорогу. Там, хотя Балаш и не мог их безудержный поток, он по крайней мере выровнял их ряды и направил более компактным строем, когда они нахлынули к концу улицы.

До того, как они достигли ее, отставая не более пятидесяти шагов от последнего езмита, Конан бросился вниз по лестнице.

— Идем! — крикнул он. — Нанайя, закрой за нами дверь на засов и оставайся здесь!

Они понеслись вниз по лестнице, выскочили в дверь, миновали покинутую осадную башню и брешь в стене. Никто не встретился им на пути. Ольгерду пришлось забрать из дворца каждого человека, способного держать в руках оружие.

Антар провел их через дворец к главному входу. Когда они там появились, оглушительным ревом бронзовых труб в руках гирканцев

Ольгерда езмитам был дан сигнал к атаке. Когда они добрались до улицы, ловушка захлопнулась. Конан увидел спины массы езмитов, которые сражались с нападавшими, заполнив улицу от края до края, в то время как лучники засыпали стрелами их толпу с крыш домов на другой стороне.

Молчащим напором Конан повел свою маленькую группу прямо в тыл езмитам. Последние из тех ничего не заметили, пока копья зуагирцев не проткнули им спины. Когда упали первые жертвы, пустынники шемиты вытянули свои копья и ударили снова и снова, в то время как в центре строя Конан махал своим топором, раскалывая черепа и отрубая руки до самых плеч. Когда копья поломались или застряли в телах езмитов, зуагирцы бросили их и взялись за свои мечи.

Атака Конана была такой бешено яростной, что он и его маленький отряд уничтожил в три раза больше врагов, чем было их самих до того, как заметили, что их атакуют с тыла. Когда они обернулись, незнакомые доспехи и искромсаные тела заставили их броситься назад с криками страха. В их воображении семеро отчаянно сражающихся людей превратились в целую армию.

— Конан! Конан! — ревели зуагирцы.

С этими криками пойманные в ловушку войска воодушевились. Между Конаном и его силами было только два человека. Одного пронзил казак, столкнувшись с ним. Конан опустил свой топор на другого с такой силой, что расколол не только шлем и голову, но и ручку топора.

В мгновенном затишье, когда Конан и зуагирцы оказались лицом к лицу с казаками и никто из тех не мог определить, на чьей стороне они сражаются, Конан снял свой шлем так, чтобы было видно его лицо.

— Ко мне! — проревел он над грохотом битвы. — Разбейте их, собачьи братья!

— Это Конан! — крикнул ближайший Свободный Компаньон и его крик был подхвачен толпой.

— Десять тысяч золотых монет за голову киммерийца! — послышался острый голос Ольгерда Владислава.

Звон оружия усилился. Он смешался с хором криков, проклятий, угроз, воплей и стонов. Битва распалась на сотни единоборств и стычек маленьких групп. Они носились взад и вперед по улице, перепрыгивая через мертвых и раненых; они хлынули в дома, крушили мебель, с грохотом бегали вверх и вниз по лестницам, вылились на крыши, где кушафцы и казаки быстро справились с размещенными там лучниками.

После этого исчезла всякая видимость порядка или плана, не было ни возможности выполнять команды, ни времени их отдавать. Это была

слепая, задыхающаяся, потеющая бойня, рука к руке, с напряженными ногами, шлепающими по лужам крови. Окончательно смешавшись, масса дерущихся крутилась в водовороте вверх и вниз по главной улице Янаидара и выплеснулась в аллеи и сады. По численности сражавшиеся стороны мало отличались друг от друга. Исход битвы качался на весах и ни один человек не знал, как в целом протекает сражение; каждый слишком был занят тем, что убивал и старался не быть убитым, чтобы смотреть, что происходит вокруг него.

Конан не стал напрягать дыхание, пытаясь командовать в этом хаосе. Хитрость и стратегия остались на доске; исход драки решался только мышцами и свирепостью. Он был окружен воюющими безумцами и ему ничего не оставалось делать кроме как расколоть столько голов и распотрошить столько кишок, сколько он мог, и позволить богам решить исход сражения.

Затем битва стала распадаться, запутанная масса разделялась на группки и на отдельных людей, как туман рассеивается под порывами ветра. Конан знал, что одна сторона или другая не выдержит и люди побегут. Дрогнули езмиты. Яростное безумство, вызванное наркотиками, полученными от своих начальников, стало проходить.

Затем Конан увидел Ольгерда Владислава. Шлем и кираса запоросканца были помяты и заляпаны кровью, одежда висела лохмотьями, тугие мышцы напрягались узлами с молниеносной скоростью играя саблей. Его серые глаза горели, а на губах была дерзкая улыбка. У его ног лежало трое мертвых кушафцев, а его сабля, словно играючи, отбивалась еще от полудюжины лезвий сразу. Справа и слева от него гирканцы в латах и узкоглазые кхитайцы в покрытой лаком коже лицом к лицу дрались со свирепыми кушафцами.

Конан также увидел Тубала, продирающегося сквозь круговорот боя, словно чернобородый бизон, с бешеностью дикого животного наносящего по сторонам сокрушительные удары. Он увидел и покрытого кровью Балаша, крутящегося в битве. Конан начал прокладывать себе путь к Ольгерду.

Ольгерд засмеялся с диким блеском в глазах, увидев приближающегося к нему киммерийца. Кровь стекала вниз по кольчуге Конана образуя крошечные ручейки на его массивных загорелых руках. Его нож был по рукоятку в крови.

— Подойди и умри, Конан! — крикнул Ольгерд.

Конан приблизился по казацки, горя от нетерпения. Ольгерд прыгнул ему навстречу, и они начали драться как дерутся казаки, делая ложные

выпады, нанося удар за ударом так быстро, что глаз не успевал за ними уследить.

В круге вокруг них тяжело дышащие, выпачкавшиеся в крови воины прекратили свою резню и стали наблюдать за двумя лидерами, которые решали судьбу Янаидара.

— Ай! — вскрикнула сотня глоток, когда Конан споткнулся, утратив контакт с лезвием запоросканца.

Ольгерд звонко крикнул и замахнулся мечом. Но до того как он успел ударить или хотя бы понять, что киммериец перехитрил его, длинный нож, направляемый железными мускулами Конана, пробил его нагрудник и пронзил чуть ниже сердца. Он умер еще до того, как упал на землю, вырвав из раны из раны лезвие при падении.

Когда Конан выпрямился, оглядываясь по сторонам, до него донесся крик, непохожий на тот, что он ожидал услышать от своих людей, разбивающих езмитов. Он посмотрел наверх и увидел новую силу вооруженных людей, которые грохотали вниз по улице плотной, дисциплинированной группой, круша и сметая со своего пути группы дерущихся. Когда они приблизились ближе, Конан смог различить позолоченную кольчугу и раскаивающие перья иранистанской королевской гвардии. Впереди всех бушевал могучий Готарза, нанося удары своей кривой саблей и по езмитам и по казакам.

В мгновение ока ход битвы полностью переменился. Некоторые езмиты стали удирать. Конан закричал: «Ко мне, казаки!», и его банда начала собираться вокруг него, смешавшись с кушафцами и некоторыми езмитами. Последние поняли, что Конан оказался единственным единственным лидером, который может противостоять их общему врагу. Они объединились с людьми, с которыми только что сцеплялись в смертельной хватке, а в это время между двумя массами продолжали сверкать мечи и падать люди.

Конан оказался лицом к лицу с Готарзой, разметающим все на своем пути ударами, которые могли свалить небольшие дубки. Зазубрившееся лезвие Конана звенело и сверкало быстрее, чем глаз мог уследить, но иранистанец не уступал ему. Кровь из царапины на лбу текла по щеке Готарзы; кровь из раненого плеча Конана темнела на его кольчуге. Но лезвия все крутились и лязгали, не находя брешей в защите соперника.

Вдруг шум битвы перерос в крики отчаянного ужаса. Со всех сторон люди бросили сражение и побежали по дороге к Лестнице. Паническая толпа вплотную прижала Конана к Готарзе. Они напрягались и боролись грудь к груди. Конан открыл свой рот, чтобы крикнуть, но туда набилась

длинная черная борода Готарзы. Он выплюнул ее и прокричал:

— Какого черта, что здесь творится, дворцовая болонка?

— Истинные владельцы Янаидара вернулись, — ответил Готарза. — Посмотри, свинья!

Конан рискнул мельком осмотреться по сторонам. Со всех сторон приближались орды серых теней с немигающими, бездушными глазами и искаженными собачьими челюстями, цепляющими за каждого человека, встретившегося им на пути, хватаясь за что попало своими когтистыми человекообразными руками и начиная разрывать его на куски и пожирать на месте. Люди отбивались от них маниакальным ужасом, но их мертвенная кожа казалось почти неуязвима для оружия. Там, где падал один, трое других занимали его место.

— Вампиры Янаидара! — закричал Готарза. — Нам нужно бежать. Пообещай мне не бить меня в спину, пока мы не выберемся отсюда, а я не буду трогать тебя. Мы можем свести наши счеты позже.

Поток беглецов сбил обоих с ног. Конан почувствовал, как чьи то ноги бегут по его спине. С невероятным усилием он встал сначала на колени, а потом на ноги, работая кулаками и локтями освобождая место, чтобы можно было дышать.

Беспорядочная толпа потекла на север по дороге к Лестнице, езмиты, казаки, кушафцы и иранистанские гвардейцы, все смешались вместе забыв о трехсторонней битве перед лицом этой нечеловеческой угрозы. Женщины и дети перемешались с воинами. По бокам этого беспорядочного потока вампиры, похожие на больших серых вшей, хватались за людей, выдергивая их из толпы. Толчками беглецов Конана вынесло к краю потока и он увидел Готарзу, сражающегося сразу с четырьмя вампирами. Тот потерял свой меч, но схватил двоих за глотки, каждого одной рукой, в то время, как один вцепился ему в ноги, а четвертый обвился вокруг, пытаясь дотянуться челюстями до горла.

Сильный удар меча Конана разрезал одного вампира пополам; второй остался без головы от второго удара. Готарза перебросил остальных через себя и они вцепились в Конана, кусая и царапаясь когтями и клыками. На мгновение они почти повалили его. Он смутно осознал, что Готарза оттянул одного из них, бросил его на землю и растоптал хрустящие прутья ребра. Конан поломал свой нож о другого и раскроил череп рукояткой третьему.

Потом они снова побежали с остальными. Они пронеслись сквозь ворота в циклопической стене, по Лестнице, по уклону, через ущелье. Вампиры преследовали их до ворот, вытаскивая из толпы человека за

человеком. Когда последние беглецы толпясь миновали ворота, вампиры повернули обратно, суетясь вдоль дороги и в фруктовых садах, и облепили огрызаясь тела людей, образуя уже свои свалки и драки.

В ущелье люди валились с ног от усталости и ложились прямо на камень, не обращая внимания на близость своих недавних врагов, или садились, прислонившись спинами к утесам и валунам. Большинство было ранено. Все были запачканы кровью, растрепаны, в оборванной одежде, с разбитым и помятым вооружением. Глаза у всех налились кровью. Многие потеряли свое оружие. Из сотен воинов, которые собрались на сражение в Янаидаре на рассвете, меньше половины выбралось из города. Некоторое время было слышно только тяжелое дыхание, стоны раненых, треск разрываемой одежды, когда люди делали из нее примитивные повязки, да случайное звяканье оружия о камень.

Хотя он дрался, бегал и карабкался почти все время со вчерашнего дня, Конан одним из первых поднялся на ноги. Он зевал и потягивался, морщась от боли своих ран, а потом начал собирать вместе своих людей. Из своего отряда зуагирцев он смог найти только троих, включая Антара. Нашел он и Тубала, а Кодруса найти не удалось.

На другой стороне ущелья Балащ, сидя с перебинтованными ногами, слабым голосом отдавал приказы кушафцам. Готарза собирали своих гвардейцев. Езмиты, которые понесли самые тяжелые потери, беспомощно топтались как потерянные овцы, с опаской наблюдая за другими собирающимися группами.

— Я убил Захака своими собственными руками, — объяснял Антар, — так что у них нет сейчас ни одного старшего офицера, чтобы управлять ими.

Конан подошел к месту, где расположился Балащ.

— Как дела, старый волк?

— Вполне сносно, хотя я не могу ходить без посторонней помощи. Так значит старые легенды говорили правду! Время от времени вампиры выползают из своих жилищ под Янаидаром и пожирают всех людей, которые опрометчиво располагаются здесь. — Он пожал плечами. — Я не думаю, что в ближайшее время кто-то попробует восстановить этот город.

— Конан! — позвал Готарза. — Нам нужно кое-что обсудить.

— Я готов, — проворчал Конан. Тубалу он сказал: — Приведи людей в порядок, тех, кто меньше ранен и лучше вооружен, построй отдельно. — Затем он зашагал по усыпанному камнями дну ущелья и остановился на полпути между своей группой и группой Готарзы. Тот тоже выступил вперед, говоря:

— У меня все еще есть приказ доставить тебя и Балаша обратно в Аншан живым или мертвым.

— Попробуй, — ответил Конан.

Балаш отозвался со своего места:

— Я ранен, но если ты попытаешься увести меня силой, мои люди будут изматывать тебя в этих безжизненных горах пока хоть один из них будет жив.

— Смелая угроза, но после еще одной битвы у тебя будет очень мало людей, — сказал Готарза. — Ты знаешь, что другие племена воспользуются вашей слабостью и разграбят ваш город и увезут ваших женщин. Король правит Иллбаром, потому что иллбарские племена никогда не объединялись и никогда не объединятся.

Балаш помолчал мгновение, потом спросил:

— Скажи мне, Готарза, как тебе удалось нас найти?

— Мы пришли в Кушаф прошлой ночью и пригрозив одному мальчишке ножом, узнали, что ты отправился в Друджистан и заставили его провести нас по твоему следу. В утреннем свете мы добрались до того места, где ты вскарабкался на утес по веревочной лестнице и твои глупцы в спешке не подняли ее за собой. Мы связали людей, которых ты оставил охранять лошадей, и поспешили вслед за тобой.

— Но теперь к делу. Я ничего не имею против вас обоих, но я поклялся Асурой выполнять приказы Кобада Шаха и я буду их выполнять до последнего вздоха. С другой стороны, позорно начинать дальнейшую резню, когда наши люди так слабы и много славных воинов уже погибло.

— Что ты имеешь в виду? — проворчал Конан.

— Я думаю, что ты и я могли бы решить этот вопрос в личном поединке. Если я погибну, ты можешь идти своей дорогой, тебя никто не будет останавливать. Если проиграешь ты, Балаш вернется в Аншан со мной. При этом ты сможешь доказать свою невиновность, — добавил Готарза главарю кушафцев. — Король узнает о твоем участии в том, чтобы покончить с культом Прячущихся.

— Но только не безумно подозрительному Кобаду, — сказал Балаш. — Но я согласен, если ни одна иранистанская собака не будет мешать Конану в этой дуэли.

— Согласен, — коротко сказал Конан и повернулся к своим людям. — У кого самый большой меч?

— Готов, — сказал Готарза и бросился в атаку.

Два лезвия вспыхивали огнем и звенели друг о друга в танце стали так быстро, что зрители не могли ясно видеть, что же происходит. Воины

прыгали, кружились, наступали, отступали и уклонялись от ударов, а лезвия продолжали свой танец не останавливаясь ни на секунду. Ударить... парировать... сделать выпад... рубануть... увернуться... парировать. Никогда за все прошедшие тысячелетия Янаидара эти утесы не были свидетелями такого завораживающего фехтования.

— Прекратить! — крикнул голос. Затем, когда поединок продолжался:
— Я сказал прекратить!

Конан и Готарза осторожно отступили друг от друга и повернулись, чтобы увидеть кто это кричал.

— Бардия! — воскликнул Готарза на крепкого дворецкого, который стоял в проеме ущелья, ведущего к веревочной лестнице. — Что ты здесь делаешь?

— Прекратите ваш поединок, — сказал иранистанец. — Я загнал до смерти трех лошадей, догоняя тебя. Кобад Шах умер от ран отравленного огненного ножа и его сын Аршак вступил в царствование. Он отбросил все обвинения против Конана и против Балаша и предлагает Балашу снова приступить к защите северных границ а Конану вернуться на свою службу. Иранистану нужны такие воины, так как король Турана Ездигерд, рассеяв казацкие банды, снова отправил свои армии на разорение и захват соседних территорий.

— Если это так, — сказал Конан, — то в турецких степях снова будет богатая нажива и я устал от интриг вашего изнеженного двора. — Он повернулся к своим людям. — Те из вас, кто хочет вернуться в Аншан, могут идти; остальные поедут завтра со мной на север.

— А как же мы? — запричитал гирканский воин из Янаидара. — Иранистанцы перебьют всех нас. Наш город захвачен вампирами, наши семьи перерезаны, наши главари убиты. Что будет с нами?

— Те, кто хочет, могут идти со мной, — безразлично ответил Конан. — Другие могут попроситься к Балашу. Многие из женщин его племени будут искать себе новых мужей... Кром!

Конан пробежал глазами по группе женщин, среди которых он узнал Парусати. Их вид напомнил ему об одной забытой вещи.

— Что такое, Конан? — спросил Тубал.

— Я забыл про девушку, Нанайю. Она все еще в башне. Как же мне теперь спасти ее от вампиров?

— Тебе не нужно этого делать, — произнес голос. Один из выживших зуагирцев, которые последовали за Конаном, стянул с себя бронзовый шлем и все увидели лицо Нанайи и рассыпавшиеся по спине волосы.

Конан вздрогнул, затем громоподобно рассмеялся.

— Мне казалось, я сказал тебе оставаться... о, хорошо, как хорошо, что ты не сделала этого. — Он громко ее поцеловал, а затем пошлепал. — Один из нас создан для того, чтобы драться, другой — чтобы не подчиняться. Теперь иди вперед. Поднимайтесь, собачьи братья; вы что, собираетесь рассиживаться на этих бесплодных скалах, пока не умрете с голоду?

Ведя высокую темную девушку, он зашагал к трещине, которая вела к дороге на Кушаф.